

**ГЕННАДИЙ
ЛЕВИЦКИЙ**

ЖЕНЩИНЫ В
ИСТОРИИ
РИМА

Геннадий Левицкий
Женщины в истории Рима

«Автор»

2017

Левицкий Г. М.

Женщины в истории Рима / Г. М. Левицкий — «Автор»,
2017

ISBN 978-5-93196-928-2

Книга состоит из биографических очерков знаменитых римлянок и женщин-иноплеменниц, которые сражались с Римом. Это история Рима на протяжении многих столетий с той лишь особенностью, что в фокусе ее будут находиться женщины: плохие и хорошие, талантливые и коварные, добродетельные и развратные – в общем, разные, как и весь наш мир.

ISBN 978-5-93196-928-2

© Левицкий Г. М., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Предисловие	5
Тевта (? – после 228 г. до н. э.)	9
Софониба (? – 203 г. до н. э.)	14
Жена Гасдрубала (? – 146 г. до н. э.)	19
Клеопатра (69–30 гг. до н. э.)	22
Боудикка (? – 61 г.)	30
Весталки	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Геннадий Михайлович Левицкий

Женщины в истории Рима

Предисловие

Историю писали мужчины, делать ее предпочитали тоже они; потому ничтожно мало женских имен мы находим в исторических источниках. Но они есть, и если пришли к нам сквозь толщу тысячелетий, значит, достойны, чтобы мы их знали, изучали биографии самых ярких представительниц слабого пола и делали выводы для себя. Впрочем... Определение «слабый пол» явно не соответствует действительности в отношении большинства героинь этой книги.

В истории Рима времен республики женщины почти не упоминаются в источниках; исключение составляют, разве что, весталки – жрицы одного из самых почитаемых культов.

Ситуация вполне объяснима. Во все времена человечеству требовались сенсации; потому на страницы произведений античных авторов попадали не хорошие матери или жены, а весталки, нарушившие обет целомудрия и похороненные за свой грех заживо. Не писать же о почтенной матроне, посвятившей свою жизнь домашнему очагу? Иных забот во времена республики на слабый пол и не возлагалось.

В императорский период писатели также проповедуют традиционные женские добродетели: покорность, благочестие, целомудренность, любовь к мужу, заботу о детях. Однако женщинам становится тесно в придуманных мужчинами рамках, их уже не удовлетворяет роль, отведенная общественным мнением. Если Ливия, жена Августа, и его дочь, Юлия, согласно старинному римскому обычаю, прядут шерсть вместе с рабами, то это их не единственное, и не главное занятие. Жены, ближайšie родственницы императоров желают пользоваться частью огромной власти их мужа, отца, брата и, в силу своих качеств и положения, наравне с мужчиной вершат судьбами мира.

Умные, образованные, энергичные представительницы слабого пола не только добиваются права на часть власти мужчин, но и ломают стереотипы о месте женщины в обществе. Многие из них пользуются огромным влиянием среди всех слоев населения империи, они становятся настоящими помощницами мужьям в деле управления государством. Эта несвойственная женщинам роль, как ни странно, воспевается античными авторами: наиболее яркий пример – жена императора Траяна – Плотина.

Не все женщины, оказавшись у власти, использовали свое положение на благо общества. Власть – этот монстр, исследуемый лучшими умами человечества и до конца непонятый – меняет людей, и, чаще всего, не в лучшую сторону. Но что желать от хрупких существ, если подвиг Луция Корнелия Суллы, отказавшегося от власти на вершине своего могущества, сумели повторить лишь единицы на протяжении всей мировой истории.

Одержимые безумными мечтами, они несли на алтарь самой великой своей страсти все, что было святого в жизни и собственные жизни. Они поднимались на самый высокий Олимп человеческих отношений запятнанные кровью близких родственников, чтобы спустя недолгое время пасть жертвой, опять же, самых близких людей.

Их звезды вспыхивали ярким светом над миром, которым правили мужчины. Они пробивались сквозь законы и предрассудки, расталкивали локтями представителей противоположного пола, проникали на их сокровенную территорию, чтобы сказать свое властное женское слово на века и тысячелетия. И мужчины, которые считали себя единственными

творцами истории, восхищенно и покорно рукоплескали женщинам, занявшим их традиционное место.

Книга посвящена самым знаменитым римлянкам, но не только им. Биографии представительниц других народов несколько не лишние, ибо их имена неразрывно связаны с Вечным городом, они стали неотъемлемой частью римской истории. Эти амазонки боролись своим женским оружием: умом и красотой – с самым могучим государством мира. Кто-то из них желал победить и уничтожить Рим, кто-то желал видеть родину независимой от мирового хищника, кто-то хотел править Римом, а кому-то доставляло удовольствие грабить римлян.

Кто они: знаменитые женщины – враги Рима?

Тевта – царица Иллирии, превратившая своих подданных в пиратов и позволившая грубо обойтись с римскими послами.

Софониба – прелестная карфагенянка, которая своим телом доставляла союзников родному городу. Ее усилия едва не изменили ход 2-й Пунической войны.

Жена Гасдрубала – трагична и ужасна история последних минут жизни карфагенянки, оказавшейся мужественнее мужа-военачальника.

Клеопатра – раскрыть секрет ее успеха у самых знаменитых римлян – Цезаря и Антония – пытаются уже два тысячелетия. А была ли красива женщина, у ног которой падали мужчины, правившие миром? Чем их соблазняла Клеопатра? Попытаемся разобраться и мы вместе с античными авторами.

Будикка – британская царица, оплатившая за оскорбление грандиозным восстанием, которое едва не прекратило владычество римлян на острове. В ее биографии излагаются также некоторые интересные моменты из истории самой далекой римской провинции.

Римлянки в книге необычны и такие разные, но все они, так или иначе, обладали властью. Многие из них добились высокого положения своим умом, хитростью, изворотливостью, и даже правили теми, кто правил Римом. Многие были красивы и использовали свою внешность как грозное оружие; некоторых и вовсе трудно назвать красавицами, но и они пользовались успехом у мужчин. Далеко не все отличались целомудренностью, скромностью и прочими чертами, которые хотели видеть в женщинах античные мужчины. Волевые, целеустремленные, обладающие нестандартным мышлением, они не обращали внимания на мужские условности, древние традиции и законы и уже одной своей смелостью заслужили право быть известными; и нам, в том числе.

Итак, римлянки, попавшие на страницы древних манускриптов и, соответственно, в нашу книгу:

Весталки – непорочные, иногда блудливые, жрицы очень почитаемой римлянами богини. Здесь же – история возникновения культа, множество небольших рассказов о женщинах с самыми большими правами в Риме и всего с двумя главными обязанностями: соблюдать девственность и поддерживать священный огонь.

Туллия Младшая – на какие поступки готова пойти женщина, страстно желающая стать царицей? Чье тело топтали копыта лошадей ее колесницы? Здесь же рассказывается о том, как впервые в Риме была учреждена власть двух консулов.

Сервилия – она происходила из рода, славного республиканскими традициями, но была самой преданной любовницей идейного отца римских императоров – Гая Юлия Цезаря.

Порция – дочь Катона, одного из главных врагов Цезаря, и племянница Сервилии, любовницы Цезаря – все как в обычной гражданской войне, трагичной по определению. Но Порция определила свою судьбу: она должна последовать за мужем, что бы ни случилось.

Фульвия – жена трех самых известных римских авантюристов и фактически первая в истории Рима женщина-политик. Фульвия стала первой римлянкой, чье изображение появилось на монетах.

Октавия – положительный образ римлянки времен крушения республики. Сестра Октавиана Августа и жена Марка Антония.

Ливия – третья жена императора Августа; он был вторым мужем Ливии. В совместном браке прожили 51 год.

Агриппина Старшая – жена Германика – самого популярного представителя императорского дома Юлиев – Клавдиев.

Мессалина – третья жена императора Клавдия; высокое положение не помешало ей стать самой известной в истории развратницей.

Агриппина Младшая – мать Нерона и последняя жена императора Клавдия – большого любителя вступать в брак с женщинами, совершенно негодными для семейной жизни.

Домиция – Домиция и Домиций – императрица и император. Одинаковые имена, характеры и привычки – вовсе не повод для счастливой супружеской жизни.

Плотина – Плотину Плиний Младший изобразил как благочестивую женщину и примерную супругу императора Траяна. Так ли это?

Сабина – Ее муж, император Адриан, был весьма умным и необычайно талантливым человеком, но он любил кого угодно – только не собственную жену. В отместку Сабина оставила императора без наследника.

Фаустина Старшая – жена добрейшего римского императора Антонина Пия. А вот за императрицей кое-какие грешки водились.

Фаустина Младшая — следующей Фаустине также несказанно повезло с мужем. Философ Марк Аврелий терпеливо сносил и прощал многочисленные измены жены.

Луцилла — дочь императора-философа Марка Аврелия, не унаследовавшая от отца ни одного из положительных качеств.

Марция – величайшая римская куртизанка, которая десять лет пользовалась любовью жестокого непредсказуемого императора Коммода.

Юлия Домна — сирийская девушка весьма необычным способом занимает место на троне рядом с грозным императором Септимием Севером.

Юлия Меса – сестра Юлии Домны. Никто не мог даже представить, что эта старушка будет свергать и назначать императоров.

Юлия Мамаея – она оказалась достойной дочерью Юлии Месы. Эта женщина подготовила и возвела на трон собственного сына Александра, но ее непомерное властолюбие сгубило и сына и ее саму.

Галла Платидия – дочь императора Феодосия, сестра императоров Гонория и Аркадия. За свою полную приключений жизнь Галла Платидия успела побывать женой варварского короля и римского императора.

Юста Грата Гонория – она была не в восторге от судьбы монашки, навязанной ей насильно. Коварная затворница вознамерилась «купить себе свободу сладострастия ценою зла для всего государства».

Амаласвинта – королева остготов, захвативших Италию. Она пыталась примирить завоевателей и римлян.

Величайшие личности мировой истории – они породили много сплетен, домыслов. Естественно, античные авторы тоже люди, и не могли избежать субъективного фактора при описании своих героинь; тем более, речь идет о неординарных личностях, окутанных туманом легенд и тайн еще при жизни. Мы можем лишь оставить их реальный портрет на совести древних историков.

Автор книги – профессиональный историк – использовал для ее написания десятки античных источников. Для большей достоверности исследуемого материала в книге много цитат римских и греческих историков, поэтов, являвшихся современниками наших героинь, либо живших незадолго после их смерти.

Кроме знакомства с яркими персонами античности, читатель получит представление о жизни Рима на протяжении более чем тысячелетней истории, перед его глазами пройдут многие интересные события и малоизвестные факты из жизни великого мирового государства.

История – это мудрость тысячелетий. Изучение ее незамысловатых сюжетов помогает избежать многих ошибок современности. Желания, мысли, стремления человека существенно не изменились за несколько тысячелетий.

Тевта (? – после 228 г. до н. э.)

В душе римляне всегда оставались сухопутным народом и с предубеждением относились к соленой воде. Однако после 1-й Пунической войны (264–241 гг. до н. э.) у Рима появились островные провинции и, волей неволей, приходилось осваивать мореходство, строить торговый флот. Тирренское море, омывающее западную сторону Италии, Сицилию, Корсику, Сардинию было освоено в кратчайшие сроки.

Аппетит приходит во время еды. О восточные берега Итальянского полуострова плескались волны Адриатического моря. По нему можно добраться до богатой Греции, а дальше сказочный Восток. Глаза итальянских купцов горели алчным огнем, когда они планировали освоение Адриатики.

Имелся и чрезвычайно удобный порт на берегу Адриатического моря – Брундизий. Древний город в Калабрии перешел под власть римлян в 266 г. до н. э. Римляне скоро оценили его преимущества и в конце 1-й Пунической войны вывели в Брундизий свое поселение.

Казалось, чего проще: есть великолепные гавани, море – осталось нагрузить корабли и плыть, зарабатывать сестерции, денарии; получать удовольствие от созерцания заморских чудес.

Не тут то было: на Адриатическом море римляне столкнулись с такой проблемой, что разом отпала охота плавать на торговых кораблях. А виной стала женщина...

Пираты освоили морские просторы гораздо раньше римлян. Пожалуй, эта рискованная профессия может оспаривать звание древнейшей. Когда человек, одетый в звериные шкуры, в выдолбленном из цельного дерева челне ловил рыбу, а два других подплыли точно в таких плавучих посудинах и отняли рыбу – это и была первая пиратская акция.

Активность пиратов то возрастала до невиданных масштабов, то на время затихала. Все зависело от обстоятельств, и, прежде всего: в каких руках находилось море – слабых и безвольных или умелых и сильных.

Во время, когда у римлян появился интерес к Адриатическому морю, там творилось что-то невообразимое. Пиратство не просто существовало – оно было поставлено на промышленную основу. Не очень достойным промыслом жило и кормилось целое государство – Иллирия. А раздробленная, утратившая былое величие, Греция дрожала от страха и не имела никакой надежды справиться с этим бедствием.

Иллирия опоясывала восточное побережье Адриатического моря – теперь эту территорию занимают Босния, Черногория, Албания и Далмация. Населяли ее народы фракийского корня. Перенаселенность страны, и как следствие, бедность, заставляли жителей Иллирии искать счастья в морских набегах.

Особенно искусными мореходами были выходцы из племени либурнов – отсюда и пошло название быстроходного парусного двухпалубного пиратского судна. Занятию преступным ремеслом способствовала необычайно изрезанная, предоставлявшая хорошие убежища, береговая линия.

Наивысшего расцвета иллирийское пиратство достигло при царе Агроне. Он фактически узаконил морской промысел и значительно усилил морские и сухопутные силы. От единовременных грабительских набегов иллирийцы перешли к захвату сопредельных территорий. Македония уже не могла обеспечить безопасность эллинской торговли. Расписавшись в собственной беспомощности, она заключила дружеский договор с Иллирией. Царь Агрон использовал дружбу с македонянами, чтобы грабить их врагов – этолийцев.

Очередная крупная победа и явилась причиной преждевременной смерти правителя пиратского государства. «Царь Агрон по возвращении лодок выслушал сообщение начальников о битве и чрезвычайно обрадовался победе над этолянами, преисполненными величайшей гордыни. Он предался пьянству и прочим излишествам, заболел плевритом, от которого через несколько дней и умер», – рассказывает Полибий.

После Агрона остался малолетний сын от первого брака и молодая жена Тевта. Она и утвердилась на троне вместо неудачно отпраздновавшего победу мужа.

Царица оказалась еще более деятельной и кровожадной, чем прежний правитель. Она мечтала только о войне и победах. Тевта, «прежде всего, разрешила подданным грабить на море по своему усмотрению всякого встречного; потом она снарядила флот, собрала войско не меньшее прежнего и, отправляя его в поход, дозволила начальникам поступать с каждой страной, как с неприятельской» (Полибий).

Разбойничий пыл иллирийцев не угас со смертью царя, наоборот, разгорелся с новой силой – распоряжения царицы Тевты пришлось им по душе. «Иллирийцы же, вкусив сладости завоевания и власти, и желая большего и большего, выстроили себе корабли и стали грабить всех других, с кем бы им не пришлось столкнуться», – подтверждает слова Полибия историк Павсаний.

Пираты проявляли изрядную изобретательность, чтобы завладеть добычей. Под видом купцов они появились в Мессении. Иллирийцы послали вестника в ближайший город Мофон с просьбой доставить на корабли вино.

Как далее разворачивались события, рассказывает Павсаний:

«Когда к ним с вином прибыло несколько мужчин, они купили у них вино по цене, назначенной самими мофонцами, и сами стали продавать им то, что привезли. Когда на следующий день к ним пришло из города большое количество людей, иллирийцы дали возможность и им получить от продажи выгоду. Наконец к ним на корабли пришло много женщин и мужчин для продажи вина и с тем, чтобы в свою очередь купить что-либо у варваров. Тогда иллирийцы со всей дерзостью бросились на них и похитили много мужчин и еще больше женщин; забрав их к себе на корабли, они поплыли к берегам Ионийского моря, оставив город Мофону почти безлюдным».

Другой флот иллирийцев приблизился к городу Фенике в Эпире. Пираты не стали немедленно штурмовать «укрепленный и могущественный город эпиротов» (Полибий). Они изъявили желание запастись хлебом, а во время переговоров вошли в сношение с наемниками из племени галатов. (Их в городе находилось 800 человек.) Так, с помощью предательства пираты овладели богатейшим городом.

Эпироты скоро опомнились и решили отбить город, но на помощь пиратам пришло сухопутное войско под предводительством Скердилаида. Сражение произошло перед городом. Войско Эпира, атакованное с одной стороны пятитысячным войском Скердилаида, с другой, пиратами и галатами, потерпело поражение. «Многие из них пали на месте, еще больше взято в плен, прочие бежали...» (Полибий).

«Ограбив Эпир, они (иллирийцы) заключили с жителями его перемирие, по условиям которого возвращали за выкуп свободнорожденных пленных и город. Рабов и прочую добычу они поместили в лодки, после чего часть их отправилась назад морем, а отряд Скердилаида отступил сухим путем через теснины Антигонии. Велико было смущение и страх, наведенные иллирийцами на прибрежных эллинов» (Полибий).

Поразительно, в каком плачевном состоянии оказалась родина великого царя Пирра¹. Эпироты даже не думали об отмщении обидчикам. Они отправили посольство к царице

¹ Пирр (319–273 гг. до н. э.) – царь Эпира (государства в Северной Греции), крупнейший полководец эллинистической

Тевте и заключили союз с иллирийцами, только это средство и могло быть некоторой защитой от пиратских набегов.

«Иллиряне и раньше постоянно нападали на торговых людей Италии, а во время пребывания в Фенике большая часть иллирян отделилась от флота и не замедлила ограбить множество итальянских торговцев, причем одни из ограбленных были убиты, немало других увезено в плен» (Полибий).

Последнее явилось большой ошибкой пиратов. Потерявшие чувство страха, упивающиеся силой и безнаказанностью, иллирийцы еще не знали, что Рим нанесенные обиды не прощает.

Тевта разбирала сокровища, награбленные в Эпире, когда к ней явились римские послы Гай и Луций Корунканий.

Недовольна была царица, сурово и надменно держала себя с послами. Когда римляне перечислили все обиды, потребовали вернуть на родину итальянских торговцев и возместить убытки, Тевта ответила:

– Я позабочусь о том, дабы римляне не терпели никаких обид от иллирийского народа. Что же касается отдельных лиц, то у царей Иллирии не в обычае мешать кому бы то ни было в приобретении себе добычи на море.

Луций Корунканий, раздраженный речью царицы, позволил себе дерзость. Впоследствии она ему дорого обошлась.

– У римлян, Тевта, – сказал посол, – существует прекраснейший обычай: государство карает за обиды, причиненные частными лицами, и защищает обиженных. Мы с Божьей помощью постараемся вскоре заставить тебя исправить обычаи царей для иллирян.

Слова посла привели царицу в бешенство – она ведь привыкла, что правители соседних государств слезно просят мира и союза с Иллирией. А здесь какой-то римлянин из-за моря вздумал угрожать. Тевта отправила вслед послам воинов и приказала убить дерзкого Корункания. Что и было сделано вопреки всем общепринятым нормам и человеческим правилам.

Сведения Полибия подтверждает Аппиан Александрийский, а Флор рисует еще более страшную картину преступления: «Наших послов, на законном основании требовавших возмещения убытков, они убили, и даже не мечом, а топором, словно жертвы, а командиров кораблей сожгли. И самое недостойное – это приказала женщина».

Тевта посчитала, что подобным образом уладила недоразумения с римлянами, и занялась привычными делами. Весной 229 г. до н. э. она снарядила две флотилии для грабежа Эллады. Первая вошла в гавань города Эпидамна под предлогом пополнения запасов воды и хлеба. Чтобы окончательно усыпить бдительность горожан, иллирийцы приблизились к Эпидамну безоружными, неся лишь большие сосуды для воды. Как только они оказались у ворот, извлекли мечи из сосудов и перебили привратников.

Пиратам удалось овладеть частью стен, но жители Эпидамна на редкость дружно принялись защищать свое имущество и свободу. После продолжительной битвы иллирийцев выбросили из города.

эпохи. Воевал в Италии во время конфликта Тарента с Римом. В битве при Геракле в 280 г. до н. э. его наемное войско нанесло римлянам поражение, в 279 г. до н. э. при Аускуле Пирр вновь разбил римлян, но его армия понесла такие потери, что полководец воскликнул: «Еще одна такая победа и я останусь без войска!» Отсюда идет выражение: «Пиррова победа», что значит победу, равнозначную поражению. Затем Пирр отплыл на Сицилию, где был разбит карфагенянами и мамертинцами. Переправившись в Грецию, Пирр победил царя Македонии Антигона. В поисках новых приключений воинственный царь Эпира отправился на Пелопоннес, где и погиб в уличном бою за город Аргос.

«Таким образом, эпидамняне по своей беспечности, едва было, не потеряли родины, но благодаря мужеству без всякого ущерба для себя получили урок на будущее» (Полибий).

Побитые иллирийцы соединились со второй флотилией и все вместе приблизились к острову Керкире (совр. Корфу). Жители Керкиры успели отправить послов к ахейцам и этолийцам с просьбой о помощи.

Эллины послали к острову десять четырехпалубных кораблей. Произошла морская битва.

Иллирийцы, совершенно не жалея своих судов, сталкивались с кораблями ахейцев, воины перебирались на греческие суда и с боем захватывали их. Смелость принесла немалые плоды: иллирийцы завладели четырьмя четырехпалубными судами, а один корабль потопили вместе с командой. Капитаны остальных эллинских кораблей, не полагаясь на удачу и собственную храбрость, вручили судьбу попутному ветру и умелости гребцов, изо всех сил помогавших ветру гнать корабли подальше от свирепых иллирийцев.

Подданные Тевты беспрепятственно продолжили осаду острова. Впрочем, она была недолгой: жители Керкиры увидели, что помощи ждать больше неоткуда, и вступили в переговоры с пиратами. Они согласились признать власть царицы Тевты и допустили в город отряд иллирийцев. Командовал ими Деметрий из Фара (остров у побережья Далмации).

Победа воодушевила пиратов. Они решили вернуться к Эпидамну и попытаться еще раз завладеть им.

Непокорный Эпидамн стал проклятием для пиратов. Как раз в это время римляне вновь напомнили о себе и выбрали для этой цели более действенные меры, чем посольство. Консул Гней Фульвий с флотом в 200 кораблей приблизился к Керкире. Второй консул Луций Постумий вел сухопутную армию в составе 20000 легионеров и 2000 конницы.

Это было первое появление римских легионов на Балканах, и Рим постарался, чтобы оно выглядело как можно более эффектно.

Наместник Тевты на Керкире Деметрий Фарский даже не помышлял о сопротивлении: он направил римлянам предложение о передачи города и острова. Жители Керкиры с удовольствием отдались под покровительство римлян.

Затем Гней Фульвий направился по следам разбойников к Эпидамну. Его появление заставило иллирийцев вторично отказаться от осады города и в панике бежать.

Флот римлян захватил двадцать судов с награбленной добычей, а сухопутный консул тем временем покорял город за городом. Скоро в руках римлян оказалось почти все побережье, ранее принадлежавшее иллирийцам. Царица Тевта оставила столицу Скодру и укрылась в труднодоступной крепости Ризон. Весной 228 г. до н. э. царица отправила к римлянам посольство с просьбой о мире.

Условия мира были чрезвычайно суровы для Иллирии. Римляне наложили на пиратское государство огромный налог. Тевту лишили трона, передав его малолетнему сыну Агрона. От обширных владений Иллирии осталась полоска земли: захваченные у греков города вернули прежним хозяевам, часть собственно иллирийских земель передали в управление Деметрию Фарскому под протекторатом Рима. Его же назначили регентом при малолетнем царе.

Превосходных мореходов, иллирийцев, лишили самого необходимого – моря. Им запретили плавать южнее определенной точки (Лисса) более как двумя судами, причем на кораблях не должно находиться никакого оружия.

Не забыли римляне расчитать за посольство Корунканиев. «Топоры, обрушившиеся на шею старейшин, умилоствовали манны послов» (Флор).

Вся Эллада с восторгом приветствовала победы римского оружия. Уж больно досадили грекам иллирийские пираты. Посольства римлян тепло принимали Афины и прочие города

Греции. Коринф допустил римлян к участию в Истмийских состязаниях. Происходили они раз в три года и были весьма престижны в античном мире. Впоследствии даже римские императоры испытывали к ним огромный интерес.

Так римляне получили в свои руки удобные морские базы на берегу Адриатического моря, очистили его от пиратов и обрели благодарность эллинов.

На этом заканчивается история пиратской царицы, которая посмела бросить вызов Риму, но явно не рассчитала свои силы. После Деметрия Фарского на иллирийском троне мы видим другого военачальника Тевты – Скердилаида. Скорее всего, он предал свою царицу, как раньше это сделал Деметрий. В пиратском государстве свои законы, и неудачникам нет места в мире, где погоня за удачей, легкой добычей является смыслом жизни. Боготворимая подданными царица Тевта ушла со страниц древних рукописей и из жизни иллирян, как только заключила позорный договор с римлянами.

Даже самое большое везение в определенный момент прекращает свое действие. Не стоит им злоупотреблять!

Софониба (? – 203 г. до н. э.)

Женщина и война – понятия несовместимые, но порой от хрупких созданий зависят судьбы народов и государств. Не обошлась без женского фактора самая длительная и кровавая война античности.

Нет! 2-я Пуническая война началась не из-за Софонибы², подобно тому, как причиной Троянской войны явилась Елена; она не получила всемирной известности Клеопатры, но исход последних сражений войны зависел и от прелестных глаз карфагенянки.

Отец Софонибы – «Гасдрубал, сын Гисгона, был первым человеком в государстве по родовитости, по своей славе, по богатству...» (Ливий). Он много лет сражался вместе с братьями Ганнибала в Испании. Когда Иберия оказалась потерянной для карфагенян, Гасдрубал перебрался в Африку. На его плечи легла защита Карфагена.

Софониба приняла «участие» в войне несколько необычным способом, но вполне закономерным. Дело в том, что самой боеспособной частью пунийского войска была нумидийская конница – это благодаря ей карфагеняне одержали множество побед; в том числе, в знаменитой битве при Каннах. Недаром Карфаген любой ценой стремился заполучить воинственных всадников, гордая пунийская знать не гнушалась даже родством с вождями полудиких племен. Во времена наемнической войны Гамилькар Барка (отец Ганнибала) выдал дочь за нумидийца, чтобы иметь в распоряжении небольшой отряд его воинов.

Гасдрубал обладал именно тем, чего так жаждали нумидийские вожди. Красавица Софониба, еще не достигшая брачного возраста, без долгих раздумий была обещана Масиниссе – сыну царя из племени массилиев. Юноша, привязанный прелестными цепями к Карфагену, долгое время сражался под началом будущего тестя в Испании.

Но вот беда... У нумидийцев «в Ливии было множество царей, каждый над своей частью, выше же всех был Сифак³, имевший и у других племен исключительный почет» (Аппиан). И этот Сифак воспылил страстью к дочери Гасдрубала. Коль ему, самому сильному из нумидийских царей, не спешили доставить очаровательную Софонибу, то Сифак принялся грабить владения Карфагена. Более того, он заключил союз с Публием Сципионом и готовился нанести сокрушительный удар в спину пунийцам.

Пришлось карфагенянам прибегнуть к самому грозному оружию: Софонибу представили взору Сифака. И страшный враг в мгновение ока превратился в преданного друга. Помолвку с Масиниссой немедленно расторгли, а дочь Гасдрубала выдали замуж за Сифака. Причем, все это свершилось, как утверждают источники, без ведома ее отца.

По свидетельству Аппиана «узнав об этом, Гасдрубал был глубоко оскорблен за юношу и за дочь, которые оба подверглись оскорблению, но хотел вместе с тем помочь отечеству». Отца красавицы настолько волновало несдержанное слово по отношению к Масиниссе, что Гасдрубал (чтобы избавиться от чувства вины) решил его... убить. Для этой цели он послал к Масиниссе несколько всадников в качестве провожатых.

Гасдрубал явно недооценил бывшего кандидата в зятя. Последний благополучно ускользнул от подосланных убийц и покинул Испанию. Впрочем, в Африке он тоже не почувствовал себя в безопасности. С потерей невесты беды Масиниссы только начались.

² Софониба – в европейском варианте встречается Софонисба (ее пунийское имя – Сафанбаал).

³ Сифак (Сифакс) – царь западных нумидийцев, соседствовавших с маврами. Масинисса – царь восточных нумидийцев.

На родине его ждали невероятные приключения, если оценивать посторонним глазом; для Масиниссы же наступили годы жестокой борьбы, с блестящими победами, сокрушительными поражениями – годы походной жизни, полной лишений и смертельной опасности. Впрочем, он доставил немало хлопот и бывшему тестю, и нынешнему мужу Софонибы, и всей Северной Африке.

В это время дела Ганнибала, который находился еще в Италии, были не очень хороши. Он блестяще разбил римлян в первых сражениях этой войны, он уничтожал их десятками тысяч, но лишить римлян мужества не мог даже непобедимый Ганнибал. В многолетней войне обескровилось и войско африканских пришельцев.

Ганнибал понимал, что уже не в силах сломить Рим, но не мог и оставить врага, на которого потратил столько лет, борьба с которым являлась смыслом его жизни. Он отвел войско в самый дальний уголок Италии – Брутий – и занимал его долгих четыре года. Великий полководец надеялся на чудо...

А римляне настолько осмелели, что решили перенести войну в Африку, в самое сердце карфагенских владений. Главой заморской экспедиции назначили Публия Корнелия Сципиона, до этого времени успешно сражавшегося в Испании. Именно там Сципион заключил союз с Сифаком, которого с помощью Софонибы переманили на свою сторону карфагеняне.

Военные приготовления Сципиона, конечно же, стали известны пунийцам. Особенно тревожился Гасдрубал, которому и предстояло защищать родину. Гасдрубал помнил, что его зять связан договором с Публием Сципионом; и этот союз формально существовал до сих пор. Немало потрудиться пришлось и его дочери.

Гасдрубал, зная, «насколько лживы и неверны варвары; боясь, что женитьба не удержит Сифака, если Сципион появится в Африке, заставил нумидийца, еще пылавшего любовью (тут пошли в ход и ласковые уговоры молодой), отправить послов в Сицилию к Сципиону: пусть тот не полагается на его прежние обещания и не переправляется в Африку. Он, Сифак, связан брачными узами с карфагеняжкой, дочерью Гасдрубала, связан союзом с карфагенским народом. Вот чего он желает: пусть римляне воюют с карфагенянами вдали от Африки, как воевали прежде; Сифак не хочет быть втянут в их спор, не хочет, присоединившись к одной из сторон, нарушить договор с другой. Если Сципион будет упорствовать и подступит с войском к Карфагену, Сифак будет вынужден сражаться за Африку, за землю, где он родился, за отчизну своей жены, за ее отца и ее дом». (Ливий).

Софониба уговорила Сифака хранить верность Карфагену. Потеря союзника была весьма чувствительной для Сципиона, но, конечно, не могла заставить его отказаться от планов вторжения в Африку.

Спорный вопрос: хорошим или плохим полководцем был Сципион, но дипломатом он был великолепным. Еще в Испании он понял, что «нумидийцы Масиниссы – главная сила всей вражеской конницы» (Ливий), и вступил с ливийцем в переговоры.

Тогда Масиниссе не было никакого смысла менять красавицу-невесту на объятия Сципиона, но нумидиец знал, кто ему может быть полезен, если ситуация изменится. И такие времена пришли: козни самих карфагенян доставили Сципиону превосходного нумидийского воина-царя, но лишили мощного союзника в Африке – Сифака. Насколько полезна была подобная рокировка карфагенянам, проведенная с помощью Софонибы, – покажут последующие события. Ныне же, Масинисса, потерявший любимую невесту и царство, жаждал мести и готов был служить любому, кто поможет рассчитаться за все его беды.

Весной 204 г. до н. э. флот Сципиона из сорока военных и четырехсот грузовых судов благополучно пересек Средиземное море и высадился на Прекрасном мысе, недалеко от Утики. В начале компании к Сципиону присоединился Масинисса. Воинов он привел немного: по оценкам разных источников от двухсот до двух тысяч – то были не лучшие времена нового союзника Сципиона. Однако Масинисса был великолепным стратегом, прекрасно освоившим тактику военных действий карфагенян и римлян. Он превосходно знал местность, на которой римлянам предстояло вести войну. Масиниссе неизменно сопутствовала удача в бесконечных авантюрах (самая большая удача в том, что он до сих пор жив) – и это немаловажно. Человек, которому покровительствуют боги, внушал римлянам уважение.

Счастье сопутствовало Сципиону: с помощью хитрости он нанес Гасдрубалу и его зятю жесточайшее поражение.

Карфагенянам вновь пришлось использовать свое прекрасное оружие. Сифака продолжить войну уговорила жена – Софониба, «но теперь уже не ласками, какими улецают влюбленного: обливаясь горькими слезами, она умоляла Сифака не бросать ее отца и отечество, не допустить Карфагену погибнуть в таком же пожаре, какой уничтожил лагерь» (Ливий).

В одной из очередных битв сошлись оба претендента на руку и сердце Софонибы. Сифак личным примером пытался вдохновить войско, но этим лишь ускорил победу соперника. Лошадь под властителем Нумидии была тяжело ранена, он упал, а подняли его уже воины Масиниссы.

Потеряв вождя, войско помышляло не о борьбе, а лишь о спасении. Большая часть беглецов укрылась в Цирте – столице Нумидии. Впрочем, главный город Сифака сдался без борьбы, едва у стен увидел своего царя, закованного в цепи.

Лишь один человек продолжал борьбу с римлянами – то была жена Сифака, дочь Гасдрубала и мечта Масиниссы.

Сражалась Сафониба единственно доступным ей способом. Знатная карфагенянка упала на колени перед отверженным когда-то женихом и покорно просила:

– Смилуйся над умоляющей: реши сам судьбу твоей пленницы, но не допусти ей окатиться во власти надменного и жестокого римлянина. Будь я только женою Сифака, я и то предпочла бы положиться на честность нумидийца, своего земляка, а не чужака-иностранца. Чем страшны римляне карфагенянке, дочери Гасдрубала, ты знаешь. Если иначе нельзя, молю и заклинаю тебя, освободи меня смертью от власти римлян.

«Она была в расцвете юности, на редкость красива; в ее просьбах, когда она, то обнимая колени Масиниссы, то беря за руку, молила не выдавать ее римлянину, звучало столько ласки, что душу победителя переполнило не только сострадание... – пленница пленила победителя. Подав ей правую руку, Масинисса пообещал исполнить все ее просьбы и ушел во дворец» (Ливий).

Уединившись в покоях Сифака, Масинисса начал думать о том, как сдержать данные обещания. Впрочем, решение приняло сердце: победитель Сифака в тот же день приказал готовиться к свадьбе. Несчастный надеялся, что ни Лелий (римлянин, который помог Масиниссе одержать победу), ни Сципион не посмеют распорядиться судьбой Сафонибы, которая из пленницы превратится в его супругу.

Надежды влюбленного Масиниссы не оправдались. «Когда свадьбу справили, явился Лелий; он был так раздосадован, что собирался отправить Софонибу прямо с брачного ложа к Сципиону вместе с Сифаком и прочими пленными» (Ливий). Как утопающий хватается за соломинку, так Масинисса слезно упрашивал Лелия ничего не предпринимать в отношении

карфагенянки до встречи со Сципионом. Пусть, мол, тот решит: «с кем из двух царей должна разделить судьбу Сафониба».

Недолго наслаждался Масинисса семейным счастьем. Сципион, узнав о выборе Масиниссы, пришел в великий ужас. Накануне он допрашивал Сифака. Аппиан Александрийский передает диалог римского военачальника и поверженного врага:

– Какой демон заставил тебя, бывшего мне другом и побуждавшего меня прийти в Ливию, обмануть богов, которыми ты клялся, – спрашивал Сципион, – обмануть вместе с богами римлян и предпочесть воевать в союзе с карфагенянами вместо союза с римлянами, которые недавно помогли тебе против карфагенян?

– Софониба, дочь Гасдрубала, которую я полюбил себе на гибель, – ответил Сифак. – Она сильно любит свое отечество и способна всякого склонить к тому, чего она хочет. Она меня из вашего друга сделала другом своего отечества и из такого счастья ввергла в это бедствие.

Сифак уже не думал ни о Карфагене, ни о Риме: любимая женщина принадлежала врагу. Так пусть же она умрет! Сифак не допустит, чтобы более удачливый соперник держал в объятиях Софонибу в его собственном дворце!

Если бы Сифак повел речь в другом направлении, возможно и Сципион не был так негативно настроен против женитьбы своего союзника. И тогда мог измениться и ход войны, и дальнейшее развитие цивилизации. Софонибе вполне было по силам повернуть Масиниссу в противоположную сторону – эта женщина умела править мужчинами.

К несчастью для Софонибы, Публий Сципион был хорошим дипломатом и, следовательно, знатоком человеческих душ. Он понял, что союзника необходимо срочно спасать.

Сципион одинаково приветливо встретил возвратившихся с победой Лелия и Масиниссу, обоих удостоил похвал перед военным советом. Затем отвел Масиниссу в сторону и спокойным голосом (как и подобает мудрейшему) произнес:

– Я думаю, Масинисса, что еще в Испании, при первой встрече, ты увидел во мне что-то доброе и потому вошел со мной в дружбу; в Африке все свои надежды связал со мной; но среди всех моих хороших свойств, которые побудили тебя искать моего расположения, ни одним я так не горжусь, как умением владеть собой и не поддаваться страсти. Я бы хотел, Масинисса, чтобы ты к своим превосходным качествам добавил и это. В нашем возрасте, поверь мне, страсть к наслаждениям опаснее вооруженного врага. Тот, кто ее укротил, одержал большую победу и заслуживает большего уважения, чем мы, победившие Сифака.

Ты действовал в мое отсутствие энергично и мужественно – я с удовольствием об этом вспоминаю и хорошо помню. Об остальном подумай сам: я не хочу, чтобы ты краснел от моих слов. По милости богов Сифак побежден и взят в плен. Значит, он сам, его жена, его царство, земля, города, население его страны; все, что принадлежало Сифаку, – добыча римского народа. И царя, и его жену, если бы даже не была она карфагенянкой, если бы даже не знали мы, что отец ее вражеский военачальник, следует отправить в Рим. Пусть сенат и народ римский решат судьбу той, о которой говорят, что она отвратила от нас царя-союзника и заставила его безрассудно взяться за оружие.

Победи себя: смотри, сделав много хорошего, не погуби все одной оплошностью; не лиши себя заслуженной благодарности, провинившись по легкомыслию.

Бедняга Масинисса разрывался на части: сердце его принадлежало Софонибе, но разум подчинялся Сципиону. Нумидиец понимал, что, связав судьбу с Софонибой, он потеряет все; и это тогда, когда его соперник находится в оковах, карфагеняне разбиты и путь к власти над Нумидией свободен.

Долго влюбленный юноша оставался в своей палатке, проходившие мимо слышали его стоны и рыдания. Наконец Масинисса вызвал верного раба и велел отнести Софонибе отравленный кубок. Он так и не смог попрощаться с женой, посмотреть ей в глаза. Велик был страх, что карфагенянка одним взглядом изменит его решение, заставит нового мужа воевать со всем миром. Масинисса боялся увидеть ее – беззащитную, преданную им и обреченную на смерть, но такую желанную...

Лишь через раба-палача нумидийский вождь передал Софонибе слова:

– Масинисса рад бы исполнить первое обещание, которое дал ей как муж жене, но те, кто властен над ним, этого не позволят, и он исполняет второе свое обещание: она не попадет живой в руки римлян. Пусть сама примет решение, помня, что она дочь карфагенского вождя и была женой двух царей.

Карфагенянка мужественно выслушала приговор мужа и ответила рабу, передавшему яд.

– Я с благодарностью приму этот свадебный подарок, если муж не смог дать жене ничего лучшего; но все же скажи ему, что легче было бы мне умирать, не выйдя замуж на краю гибели.

«Твердо произнесла она эти слова, взяла кубок и, не дрогнув, выпила» (Ливий).

Сципион опасался, как бы Масинисса с горя не последовал за женой. Он не отпускал нумидийца от себя ни на шаг, а на следующий день нашел способ уменьшить его скорбь.

«Сципион, взойдя на трибунал, ... впервые назвал Масиниссу царем, превознес его похвалами и даровал ему золотой венок, золотую чашу, курульное кресло, жезл из слоновой кости, расшитую тогу и тунику с узором из пальмовых ветвей⁴. Сципион почтил юношу и речью: нет в Риме отличия выше триумфа, ни один римский триумфатор не был облачен так роскошно, и римский народ из всех чужестранцев одного Масиниссу считает достойным такого убора» (Ливий).

Сифака отвезли в Рим, где он вскоре умер, не в силах переносить свое бедственное положение. А карфагеняне тысячу раз пожалели, что отдали Софонибу не тому нумидийскому царю.

Отца Софонибы за поражение в битве карфагеняне приговорили к смерти. Гасдрубал бежал с остатками войска теперь уже от сограждан и занялся разбоем, как недавно промышленял этим делом отверженный жених Софонибы – Масинисса.

История прелестной карфагенянки вдохновила Рембрандта ван Рейна написать в 1634 году картину «Софониба принимает чашу с ядом». Величественная гордая карфагенянка на картине очень похожа на любимую жену художника пышнотелую Саскию, но весь трагизм ситуации передан художником великолепно.

⁴ ...даровал ему золотой венок, золотую чашу, курульное кресло, жезл из слоновой кости, расшитую тогу, тунику с узором из пальмовых ветвей. – Все эти вещи (кроме чаши) были в Риме знаками отличия полководца-триумфатора, а также традиционным подарком для царей. Подобные вещи получил и Сифак, когда считался союзником Рима.

Жена Гасдрубала (? – 146 г. до н. э.)

«Карфаген должен быть разрушен!» – кто не знает фразу, ставшую крылатой. Марк Порций Катон, неустанно ее произносивший, обрел не меньшую знаменитость, чем разрушитель ненавистного города – Публий Корнелий Сципион.

Слово может быть значительнее дела! А ведь и Катон вполне достоин славы за собственные дела. Хотя бы взять сообщение Аврелия Виктора об одном его успехе: «Он родил сына, будучи старше восьмидесяти лет».

Впрочем, это лишь интересный факт, не имеющий отношения к нашему рассказу; тем более, Катон не дожил до событий, которых страстно желал.

Летом 149 г. до н. э. восемьдесят тысяч легионеров и четыре тысячи всадников высадились на африканском побережье – началась 3-я Пуническая война. Война позорная и недостойная Рима. Помимо того, что не существовало достаточно весомого повода уничтожить город (кроме ненависти Катона, разумеется), карфагеняне совершенно не имели сил, средств и желания противостоять Риму. Упавшие духом соплеменники великого Ганнибала направили послов к консулам с приказом соглашаться на все их условия.

Карфагенянам было предложено выдать все имеющееся в городе оружие. Требование незамедлительно исполнили: «Римлянам карфагеняне выдали больше двухсот тысяч комплектов вооружения и две тысячи катапульт» (Полибий). Перед этим 300 карфагенских юношей отправились заложниками на Сицилию.

Затем римляне выдвинули новое условие: карфагеняне должны покинуть город и переселиться вглубь Африки. Оно было заведомо невыполнимым – лишить потомков финикийцев моря и торговли было хуже, чем лишить их жизни. Когда послы передали согражданам слова римлян, «все они разом вскрикнули и как бы оцепенели. Но когда сообщение послов разошлось в народе, оцепенение кончилось: одни кидались на послов, как бы на виновников постигшего их несчастья, другие, на оставшихся в городе италийцев, чтобы на них излить свою ярость, третьи бежали к городским воротам» (Полибий).

«Эта жестокость вызвала такой гнев, что карфагеняне предпочли самое худшее. Раздался всенародный клич: «К оружию!» Они приняли решение сопротивляться, и не потому, что уже не оставалось никакой надежды, но потому, что предпочли, чтобы родина была низвергнута руками врагов, а не их собственными» (Флор).

Оружия в городе не было – его, как и флот, накануне передали римлянам. «Каково было воодушевление сопротивляющихся, можно представить по тому, что для нужд нового флота они разрушили кровли домов. В оружейных мастерских вместо меди и железа расплавлялось золото и серебро, для тетив метательных машин знатные женщины собрали свои волосы» (Флор).

Римляне окружили Карфаген со всех сторон, но пунийский военачальник Гасдрубал не терял надежды на мирный исход. Через нумидийского царя Голосу он просил Сципиона пощадить город. «Публий внял этой речи и поручил Голоссе передать Гасдрубалу, что дарует жизнь ему самому, жене, детям, десяти родственным с ним или дружественным семействам, кроме того, позволяет ему взять с собой десять талантов из своих денег или всех слуг, каких пожелает» (Полибий).

Сципион желал оставить непокорный город и без военачальников, но у Гасдрубала хватило мужества отказаться от позорного способа спасения жизни. На этот раз... «Гасдрубал подошел к царю и, выслушав предложения римского военачальника, несколько раз ударил себя по бедру, потом, призвав богов и судьбу в свидетели, объявил, что никогда не

наступит тот день, когда бы Гасдрубал глядел на солнечный свет и вместе на пламя, пожирающее родной город, что для людей благомыслящих родной город в пламени – почетная могила» (Полибий).

Три долгих года длилась осада безоружного города. Весной 146 г. до н. э. Сципиону удалось ворваться в Карфаген. Шесть дней война шла на городских улицах, в домах горожан, «причем римское войско постоянно сменялось, чтобы не устать от бессонницы, трудов избиения и ужасных зрелищ».

На седьмой день в руках карфагенян оставалась только Бирса – самая мощная карфагенская крепость. Римляне устали проливать кровь, и когда к Сципиону пришла оттуда просьба о милосердии, он согласился даровать жизнь всем, кроме перебежчиков. Вышло вместе с женами пятьдесят тысяч карфагенян – всех их ожидало рабство.

«Перебежчики из римлян, приблизительно девятьсот человек, отчаявшись в своем спасении, бежали в храм Асклепия вместе с Гасдрубалом, женой Гасдрубала и двумя его маленькими детьми. Оттуда они упорно продолжали сражаться ввиду высоты храма, выстроенного на отвесной скале, к которому и во время мира поднимались по шестидесяти ступеням. Но когда их стал изнурять голод, бессонница, страх и утомление и так как бедствие приближалось, они покинули ограду храма и вошли в самый храм и на его крышу» (Аппиан).

В это время Гасдрубал, забыв свои обеты и клятвы, бежал к римлянам. Гордого военачальника пред ликом смерти охватил такой страх, что он упал к ногам Сципиона и слезно молил сохранить ему жизнь.

«... Когда Гасдрубал, карфагенский военачальник, в положении просящего сидел у ног Сципиона, сей последний, окинув взглядом присутствующих, сказал: «Смотрите, какой внушительный урок дает судьба безумцам. Безумец этот – Гасдрубал, ибо недавно он отрицал наши милостивые условия и говорил, что для него пламень горящего родного города – почетнейшая могила. И вот теперь с молитвенной веткой в руках он просит сохранить ему жизнь и на нас возлагает все упования свои. При виде этого человека не может не прийти на мысль каждому, что нам, смертным, никогда не подобает позволять себе ни речей наглых, ни поступков» (Полибий).

Тем временем защитники храма Асклепия заметили Гасдрубала среди врагов и попросили римских передовых воинов на некоторое время приостановить битву. Едва Сципион исполнил эту просьбу, «как они обрушились на Гасдрубала с ругательствами, причем, то укоряли его за клятвopреступление, напоминая, как часто он клялся на жертвенниках не покидать их, то поносили его за трусость и душевную низость вообще. Речь их была полна насмешек и грубой беспощадной брани» (Полибий).

Излив таким образом свои эмоции, перебежчики подожгли храм. Огонь охватил здание, языки пламени, пожирая последних защитников Карфагена, вырывались наружу. В это время на крыше появилась жена Гасдрубала «в приличествующем ей пышном одеянии, а по обеим сторонам ее стояли два мальчика, одетые в короткие платья, держа мать за руки; она прикрывала их собственной одеждой» (Полибий).

Окружившие храм римляне с ужасом взирали на страшное зрелище, лишь треск огня и стоны людей, горевших заживо, задыхавшихся в дыму, нарушали тишину. Жена Гасдрубала обратилась к Сципиону:

«Тебе, о римлянин, нет мщенья от богов, ибо ты сражался против враждебной страны. Этому же Гасдрубалу, оказавшемуся предателем отечества, святилищ, меня и своих детей, да отомстят ему и боги Карфагена, и ты вместе с богами».

Затем, обратившись к Гасдрубалу, она сказала: «О преступный и бессовестный, о трусливейший из людей! Меня и моих детей похоронит этот огонь; ты же, какой триумф укра-

сишь ты, вождь великого Карфагена?! И какого только наказания ты не понесешь от руки того, в ногах которого ты теперь сидишь?» Произнеся такие оскорбительные слова, она зарезала детей, бросила их в огонь и сама бросилась туда же.

С такими словами, говорят, умерла жена Гасдрубала, как должен был бы умереть сам Гасдрубал. И Сципион... , видя, как этот город, процветавший семьсот лет со времени своего основания, властвовавший над таким количеством земли, островами и морем, имевший в изобилии и оружие, и корабли, и слонов, и деньги, наравне с величайшими державами, но много превзошедший их смелостью и энергией, видя, как этот город, лишенный и кораблей, и всякого оружия, тем не менее, в течение трех лет противостоял такой войне и голоду, а теперь окончательно обречен на полное уничтожение, – видя все это, Сципион заплакал и открыто стал жалеть своих врагов» (Аппиан).

Подвиг жены Гасдрубала, от которого холодеет кровь, отражен во многих источниках; отличается лишь описание последних минут жизни детей. Согласно Титу Ливию она «с двумя детьми бросилась с крепостной стены в самое пламя горящего города». У Флора «схватив детей, она с кровли бросилась в пламя, подражая царице, основательнице Карфагена».

Время не сохранило имени жены карфагенского военачальника; остался лишь поступок, который поставил последнюю точку в истории достойно погибшего города.

Святынище Асклепия, которое стало могилой жены Гасдрубала, «было наиболее знаменитое и богатое из всех других в крепости». Точно также карфагеняне обошлись с остальным своим имуществом. «О величии разрушенного города можно судить, не говоря уже о прочем, по продолжительности пожара. За семнадцать дней едва смог угаснуть огонь, который враги добровольно направили на свои дома и храмы: если не смог устоять против римлян город, должен был сгореть их триумф» (Флор). Добыча римлян после взятия богатейшего города мира была не большей, чем после разграбления Сиракуз.

Что сделал Рим со своим давним врагом? «Сенат из своего числа послал десять знатнейших, чтобы они вместе со Сципионом организовали Ливию на благо римлян; они решили, чтобы все, что еще осталось от Карфагена, Сципион разрушил, и запретили кому бы то ни было заселять это место; они прокляли того, кто вновь заселит это место, особенно Бирсу и так называемые Мегары, но вступать на эту землю не запретили» (Аппиан).

Клеопатра (69–30 гг. до н. э.)

*«И многих пронзит, царица,
Насмешливый твой клинок,
И все, что мне – только снится,
Ты будешь иметь у ног».*

(Марина Цветаева)

Самая загадочная роковая и последняя царица Египта происходила из рода Птолемеев.

Основатель династии Птолемей Лаг – военачальник и телохранитель Александра Македонского получил Египет в 323 г. до н. э. после распада империи великого завоевателя. В 322 г. до н. э. Птолемей убил своего предшественника Клеомена из Навкратиса – наместника Египта при Александре Македонском. Чтобы в дальнейшем избежать неприятностей в виде дворцовых переворотов, Птолемеи ввели у себя необычную практику: брать в жены самых близких родственников.

Сын основателя династии – Птолемей II Филадельф – положил начало кровосмесительной связи, женившись на собственной старшей сестре Арсиное. Увы! Ничего хорошего из таких браков не вышло. Они несколько не спасали правящую династию от внутренних распрей; лишь к прежнему греху добавлялся грех брата-отца-убийства. Одна из цариц сумела побывать замужем за всеми своими братьями по очереди, пока не погибла от руки собственной дочери – последней очень понравился дядя, и конечно, египетский трон. В общем, во времена, когда Клеопатра готовилась вступить во взрослую жизнь, сама принадлежность к царскому дому таила смертельную опасность.

По словам Страбона, «все цари после третьего Птолемея, испорченные жизнью в роскоши, управляли делами хуже своих предшественников, но хуже всех четвертый, седьмой и последний – Авлет (Флейтист)». Он то и являлся отцом Клеопатры. Птолемей Авлет, «помимо беспутного образа жизни, играл на флейте, аккомпанируя хорам, и настолько гордился этим, что не стеснялся устраивать состязания в царском дворце» (Страбон).

В конце концов, египтянам надоел незадачливый Флейтист, и его свергли. Царицей провозгласили старшую дочь Птолемея Авлета – Беренику. Поскольку два ее брата в виду очень юного возраста были не готовы к супружескому ложу, пришлось искать вторую половинку на стороне. «В мужья царице пригласили некоего Кибиосакта из Сирии, который претендовал на происхождение от сирийских царей». Беренике муж не понравился, и она «через немного дней велела задушить этого человека, не будучи в состоянии переносить грубость и низость его характера» (Страбон).

Второй муж понравился царице больше – он был сыном Архелая – полководца понтийского царя Митридата. Впрочем, жили они в браке (и вообще) недолго. Отец Береники прибыл в Рим и пожаловался на своих подданных. И римский полководец Гней Помпей распорядился вернуть трон прежнему царю. Птолемей, опираясь на римские мечи, вновь обосновался в Александрийском дворце, а собственную дочь и зятя приказал убить.

После кончины Птолемея Флейтиста египетский трон перешел к девятнадцатилетней Клеопатре и ее брату двенадцатилетнему Птолемею. Естественно, они должны были пожениться. Никого не смутило, что супруг слишком молод – подобные браки в Египте были в порядке вещей.

Умная, деятельная Клеопатра не желала довольствоваться ролью венценосной супруги – она хотела править Египтом. Однако точно такое желание было у опекунов юного царя – евнуха Потина, грека-воспитателя Теодота и начальника дворцовой стражи Ахилла. Соперники оказались сильнее, и царице пришлось спасаться бегством в Сирию.

Тем временем у римлян началась кровавая гражданская война, которая накрыла собой и Европу, и Азию, и Африку. В Египет она пришла совершенно случайно, на плечах разбитого в Греции Помпея. Именно сюда бежал соперник Цезаря.

Окружение юного Птолемея решило убить Помпея, чтобы угодить Цезарю. Когда последний получил голову и перстень Помпея, то вовсе не обрадовался подаркам, а наоборот: огорчился, что великий римский полководец стал жертвой какого-то евнуха. И Цезарь направился в Александрию, чтобы разобраться с такой наглостью.

В столице Египта к приезду гостя из-за моря произошел новый дворцовый переворот. Младшая дочь Птолемея – Арсиноя – также возжаждала власти и вступила в борьбу с начальником стражи Ахиллой. «С помощью своего воспитателя, евнуха Ганимеда, Арсиноя опередила Ахиллу и приказала убить его» (Александрийская война). Ганимед взял в свои руки войско и вовсе не рад был видеть Цезаря в столице.

Великому римскому авантюристу было безразлично мнение Ганимеда и Арсинои. Имея только три тысячи двести легионеров и восемьсот всадников, Цезарь вошел во враждебный город с населением в триста тысяч человек и занял дворец. Рисковать ему не впервые.

И здесь его нашел необычный сюрприз. Клеопатра решила, что настал и ее час вступить в борьбу, а помочь мог только Цезарь. Но как попасть к нему во дворец, окруженный врагами? О том, что придумала эта претендентка на египетский трон, рассказывает Плутарх:

«Клеопатра, взяв с собой лишь одного из друзей, Аполлодора Сицилийского, села в маленькую лодку и при наступлении темноты пристала вблизи царского дворца. Так как трудно было остаться незамеченной, то она забралась в мешок для постели и вытянулась в нем во всю длину. Аполлодор обвязал мешок ремнем и внес его через двор к Цезарю. Говорят, что уже эта хитрость Клеопатры показалась Цезарю смелой и пленила его. Окончательно покоренный обходительностью Клеопатры и ее красотой, он примирил ее с царем для того, чтобы они царствовали совместно». Арсиноя была немедленно лишена египетской короны.

Клеопатру не очень устраивало совместное с братом царствование. Египтом она желала править одна, а миром вдвоем... с Гаем Юлием Цезарем. Однако даже эти распоряжения Цезаря нужно было утвердить силой оружия. Египтяне, недовольные новым законодателем, начали «против Цезаря продолжительную и тяжелую войну, в которой Цезарю пришлось с незначительными силами защищаться против населения огромного города и большой египетской армии» (Плутарх).

Во время боя, Цезарь сжег Александрийскую библиотеку – крупнейшее в античном мире хранилище книг. Властитель Рима лично подвергался смертельной опасности и не единожды был на волосок от гибели: «... во время битвы при Фаросе, когда Цезарь соскочил с насыпи в лодку, чтобы оказать помощь своим, и к лодке со всех сторон устремились египтяне, Цезарь бросился в море и лишь с трудом выплыл. Говорят, что он подвергался в это время обстрелу из луков и, погружаясь в воду, все-таки не выпускал из рук записных книжек. Одной рукой он поднимал их высоко над водой, а другой греб, лодка же сразу была потоплена». (Плутарх).

Ради чего Цезарь шел на такие жертвы? Ради женщины, с которой был едва знаком? Цезарю легко доставались женщины, столь же легко он с ними расставался. Его по-настоящему сильными привязанностями были: власть и война. Возможно, ему льстило внимание Клеопатры, как царицы? Но к моменту ее появления во дворце, Клеопатра была простой беглянкой, все имущество которой состояло из мешка для постели. Ближе общаться с царственными особами для Гая Юлия дело привычное. Любовницей Цезаря была и царица

Мавритании Эвной, но на нее любвеобильный римлянин не тратил много времени и жизнью не рисковал. Злые языки приписывали Цезарю даже связь с царем Вифинии Никомедом. Последнее весьма сомнительно: уж очень Гай Юлий любил женщин. (Когда Гамилькару Барке приписали подобные шалости, Корнелий Непот воскликнул: «Разве может великий человек избежать хулы сплетников!»)

Послушаем Плутарха: «Что касается Александрийской войны, то одни писатели не считают ее необходимой и говорят, что единственной причиной этого опасного и бесславного для Цезаря похода была его страсть к Клеопатре; другие выставляют виновниками войны царских придворных...».

Цезарь победил и в этой войне, но сердце его пленила Клеопатра.

Во время битвы царица избавилась от мужа-соперника. Плутарх утверждает, что «царь пропал без вести». Примерно то же сообщает Флор: «Теодот, руководитель и зачинщик этой войны, а также Потин и Ганимед (уроды, в которых не было ничего мужского) порознь были застигнуты смертью во время бегства по морю, и суше. Тело самого царя, покрытое тиной, опознали по золотой кольчуге». Согласно Иосифу Флавию, Клеопатра позже «решилась отравить своего пятнадцатилетнего брата, к которому, как она знала, должен был перейти престол; при помощи Антония она также умертвила свою сестру Арсиною, несмотря на то, что та искала убежища в храме эфесской Артемиды».

Как бы ни происходили разборки в египетской царской династии, но бесспорно одно: Клеопатра безжалостно расправилась с возможными конкурентами. Выглядит жестоко с позиции дня сегодняшнего, но такова традиция правящего дома Птолемеев.

Что же делал Гай Юлий, после того как подарил очередной понравившейся женщине Египет? Чем занимался неутомимый Цезарь, который не мыслил своего существования без Рима, который всегда спешил, делая несколько работ одновременно? Великий искатель приключений несколько месяцев проводит в Египте – и это в то время как он (т. е. Цезарь) находился в состоянии войны с половиной мира, в то время когда в руках республиканцев оставались Испания и Африка! Цезарь пирувал с Клеопатрой «не раз до рассвета, на ее корабле с богатыми покаями он готов был проплыть через весь Египет до самой Эфиопии, если бы войско не отказалось за ним следовать» (Светоний). Да!!! Старый развратник влюбился как мальчишка, и плод любви появился на свет вскоре после того, как Цезарь отправился в Сирию.

Цезарь не забыл Клеопатру в пылу сражений и интриг. Спустя некоторое время, он пригласил ее в Рим и позволил назвать рожденного сына своим именем – Цезарион. Он мечтал сделать Клеопатру своей женой. Правда, у Цезаря была в данный момент законная жена, но изобретательный диктатор решал любую проблему, устранял любое препятствие на своем пути... «Народный трибун Гельвий Цинна многим признавался, что у него был подписан и подготовлен законопроект, который Цезарь приказал провести в его отсутствие: по этому закону Цезарю позволялось брать жен сколько угодно и каких угодно, для рождения наследников» (Светоний). Почему бы и не позволить такую малость человеку, уничтожившему римскую республику?

Соплеменники навеки успокоили неутомимого Цезаря 15 марта 44 г. до н. э. двадцатью тремя ударами кинжалов. Трудно представить, что еще мог совершить этот человек, если бы его не остановили клинки республиканцев на пятьдесят шестом году жизни. Впрочем, едва ли найдется еще один человек, оставивший столь глубокий след в мировой истории.

15 марта 44 г. до н. э. разрушились и планы Клеопатры о власти над миром... Но им суждено было воскреснуть: казалось, властолюбивый дух Цезаря нашел пристанище в хрупком теле египетской царицы. И повод не замедлил представиться...

После смерти Цезаря власть над Римом перешла в руки Октавиана и Антония. И вот Антоний, готовясь к войне с Парфией, очень нуждался в деньгах, а они всегда водились в богатом Египте. Он посылает гонца в Александрию с приказом Клеопатре «явиться в Киликию и дать ответ на обвинения, которые против нее возводились: говорили, что во время войны царица много помогала Кассию и деньгами и иными средствами» (Плутарх).

С этого момента правитель половины римских владений Марк Антоний перестал принадлежать и своей жене, и Риму, и даже самому себе. «Ко всем природным слабостям Антония прибавилась последняя напасть – любовь к Клеопатре – разбудив и приведя в неистовое волнение многие страсти, до той поры скрытые и недвижимые, и подавив, уничтожив все здравые и добрые начала, которые пытались ей противостоят» (Плутарх).

Клеопатра исполнила приказ Антония, не испытывая ни малейшего страха. К вынужденному путешествию в Киликию она подготовилась основательно: тщательно отобрала богатые дары, «взяв много денег, роскошные наряды и украшения, – какие и подобало везти с собой владычице несметных богатств и благоденствующего царства, – но главные надежды возлагала на себя самоё, на свою прелесть и свои чары» (Плутарх).

Явление Афродиты, наверное, было бы менее эффектным, чем прибытие Клеопатры в ставку Антония. Египетская царица умела подать себя. Кинокомпания «XX век Фокс», потратившая не один миллион долларов на кадры прибытия Клеопатры в Рим ничуть не погрешила перед исторической действительностью. Не менее захватывающе Плутарх описывает появление египетской царицы в Киликии: она «поплыла вверх по Кидну на ладье с вызолоченной кормою, пурпурными парусами и посеребренными веслами, которые двигались под напев флейты, стройно сочетавшийся со свистом свирелей и бряцанием кифар. Царица покоилась под расшитую золотом сенью в уборе Афродиты, какую изображают ее живописцы, а по обе стороны лежа стояли мальчики с опахалами – будто эроты на картинах.

Подобным же образом и самые красивые рабыни были переодеты nereидами и харитами и стояли кто у кормовых весел, кто у канатов. Дивные благовония восходили из бесчисленных курильниц и растекались по берегам. Толпы людей провожали ладью по обеим сторонам реки, от самого устья, другие толпы двинулись навстречу ей из города. Мало-помалу начала пустеть и площадь, и, в конце концов, Антоний остался на своем возвышении один. И повсюду разнеслась молва, что Афродита шествует к Дионису на благо Азии».

Естественно, Клеопатра покорила Антония с первого взгляда, и делала с ним все, что хотела. Антоний послал царице приглашение к обеду, но та отказалась, попросив явиться к ней. Антоний покорно исполнил волю Клеопатры. За обедом Клеопатра продолжала поражать римлянина изысканной роскошью. «Пышность убранства, которую он увидел, не поддается описанию, но всего более его поразило обилие огней. Они сверкали и лили свой блеск отовсюду и так затейливо соединялись и сплетались в прямоугольники и круги, что трудно было оторвать взгляд или представить себе зрелище прекраснее» (Плутарх).

Клеопатра понимала, что одной демонстрацией богатства многого не добьешься, и она не упустила ни малейшего шанса стать ближе к Антонию. В общем, действовала царица весьма просто. Главное, она была умной женщиной, прекрасно знала свои достоинства и умело ими пользовалась.

На следующий день Антоний принимал гостей у себя. Он приложил немало усилий, чтобы превзойти Клеопатру «роскошью и изысканностью, но вида себя побежденным и в том и в другом, первый принялся насмехаться над убожеством и отсутствием вкуса, царившими в его пиршественной зале. Угадавши в Антонии по его шуткам грубого и пошлого солдафона, Клеопатра И САМА ЗАГОВОРИЛА В ПОДОБНОМ ЖЕ ТОНЕ – СМЕЛО И БЕЗ ВСЯКИХ СТЕСНЕНИЙ. ИБО КРАСОТА ЭТОЙ ЖЕНЩИНЫ БЫЛА НЕ ТОЮ, ЧТО ЗОВЕТСЯ НЕСРАВНЕННОЮ И ПОРАЖАЕТ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА...»

Ну вот, Плутарх заговорил и о внешности Клеопатры. Надо сказать, что греческий историк довольно мягко о ней отозвался. Совсем не красавица смотрит на нас со скульптурного изображения. Это так называемый «лестный» портрет Клеопатры, ибо делался по заказу ее дочери Клеопатры-Селены. Менее привлекательные черты нам доставила нумизматика. На монете видим глубоко посаженные глаза, крючковатый орлиный нос; торчащий подбородок вполне сочетается с уродливым носом, но красоты, естественно, не добавляет. Чем не Баба Яга из русских экранизированных сказок?

Откуда же исходят чары, покоряющие сильных мира сего? «... зато, – продолжает Плутарх, – обращение ее отличалось неотразимой прелестью, и потому ее облик, сочетавшийся с РЕДКОЮ УБЕДИТЕЛЬНОСТЬЮ РЕЧЕЙ, С ОГРОМНЫМ ОБАЯНИЕМ, СКВОЗИВШИМ В КАЖДОМ СЛОВЕ, в каждом движении, крепко врезался в душу. САМЫЕ ЗВУКИ ЕЕ ГОЛОСА ЛАСКАЛИ И РАДОВАЛИ СЛУХ, А ЯЗЫК БЫЛ ТОЧНО МНОГОСТРУННЫЙ ИНСТРУМЕНТ, ЛЕГКО НАСТРАИВАЮЩИЙСЯ НА ЛЮБОЙ ЛАД – на любое наречие, так что лишь с очень немногими варварами она говорила через переводчика, а чаще всего сама беседовала с чужеземцами – эфиопами, троплодитами, евреями, арабами, сирийцами, мидийцами, парфянами... Говорят, что она изучила и многие иные языки, тогда как цари, правившие до нее, не знали даже египетского, а некоторые забыли и македонский».

ГОЛОС! Именно им Клеопатра околдовала и Цезаря и Антония, и не только их. Гней – сын Помпея – не смог устоять перед неведомой силой. Подобно сиренам – полуптицам-полу-женщинам – она в полной мере пользовалась божественным даром, заманивая в свои сети нужных мужчин. Множество языков Клеопатра изучила не только для самообразования, но чтобы представители любого народа ощутили на себе силу страшнейшего оружия.

Сирены обитают на скалах острова, усеянного костями и высохшей кожей их жертв. Количество жертв Клеопатры мы не установим из-за скудности источников. (В этом вина и Цезаря, сжегшего Александрийскую библиотеку.) Но две нам хорошо известны, и какая это была добыча! Цезарь и Антоний обеспечили Клеопатру простором для деятельности и интриг до конца жизни (Ведь, кроме того, что от матери-музы сирены наследуют божественный голос, от отца им достается дикая стихийность.)

После нескольких обедов Антоний увлекся до такой степени, что позволил Клеопатре увезти себя в Александрию. «И это в то время, – упрекает безумца Плутарх, – когда в Риме супруга его Фульвия, отстаивая его дело, вела войну с Цезарем, а парфянское войско действовало в Месопотамии... и готовилось захватить Сирию. В Александрии он вел жизнь мальчишки-бездельника и за пустыми забавами растрачивал и проматывал самое драгоценное, как говорит Антифонт, достояние – время».

Клеопатра, заполучив Антония, не успокоилась и не прекратила свои чары, как поступают многие женщины, соблазнив желанного мужчину. А ведь его надо удержать. Царица «всякий раз сообщала все новую сладость и прелесть любому делу или развлечению, за какое ни брался Антоний. Ни на шаг не отпуская его ни днем, ни ночью, крепче и крепче приковывала к себе римлянина» (Плутарх).

Как ни хорошо было с Клеопатрой, но вести из внешнего мира, изредка долетавшие до Антония, были одна другой хуже. На востоке парфяне покоряют Азию, на западе его мятежная жена, Фульвия, вела войну с Октавианом. «Насилу пробудившись и стяхнув с себя хмель», Антоний отправился воевать с парфянами. Он дошел до Финикии, как получил письмо от Фульвии: мол, его присутствие требуется в Италии, ибо дела плохи.

Антоний прекратил поход и на двухстах судах направился в Италию. В это время беспокойная Фульвия умирает; как оказалось, она и являлась главным препятствием для примирения Антония и Октавиана.

В Рим Антоний поспел вовремя: огромную империю начинали делить. Западная часть досталась Октавиану, территория к востоку от Ионийского моря отошла к Антонию, Африку выделили Лепиду.

Договор новый триумвират решил скрепить родственным союзом. Старшую сестру Октавиана просватали за Антония. Весь Рим принялся хлопотать об этом браке: римляне устали от бесконечных братоубийственных войн и в союзе Антония и Октавии видели залог собственного спокойствия. Разум Антония долго боролся с любовью к Клеопатре, но пришлось уступить единодушию граждан. Собственно, другой бы на месте Антония только радовался такому повороту событий: ведь Октавия, по словам Плутарха, обладала замечательной красотой, соединенной с достоинством и умом... Если только этот другой не был знаком с Клеопатрой...

Некоторое время Антоний занимался государственными делами. «Но любовь к Клеопатре, – эта страшная напасть, так долго дремавшая и, казалось, окончательно усыпленная и успокоенная здравыми рассуждениями, – вспыхнула вновь, и разгоралась все жарче, по мере того как Антоний приближался к Сирии» (Плутарх). Оценивая душевное состояние Антония, Плутарх перефразирует Платона: как строптивый и безудержный конь, отбрыкнувшись от всего прекрасного и спасительного, он поручает Фонтю Капитону привезти Клеопатру в Сирию.

Антоний чувствовал вину перед Клеопатрой за брак с Октавией, за долгое отсутствие, и сделал ей подарок «не скупой и не малый – к ее владениям прибавились Финикия, Келесирия, Кипр, значительная часть Киликии, а, кроме того, рождающая бальзам область Иудеи и та половина Набатейской Аравии, что обращена к Внешнему морю» (Плутарх).

Таких подарков римляне простить Антонию не могли. А Клеопатре все мало было власти. «Ничего не удовлетворяло этой падкой до роскоши и буруеваемой страстями женщины, если она не могла добиться чего-либо, к чему стремилась. Вследствие этого она постоянно побуждала Антония отнимать все у других и отдавать ей; точно таким же образом она вздумала добиться Сирии, после того как с ним проехала по ней... Затем стала требовать от Антония, чтобы он отнял у царей Иудею и Аравию и предоставил эти страны ей». (Флавий).

Антоний утратил способность разумно мыслить от страсти к египетской царице. Он привел в Азию стотысячную армию – «и такая исполинская сила, испугавшая даже индийцев за Бактрианой и повергнувшая в трепет всю Азию, пропала даром, как говорят – из-за Клеопатры» (Плутарх). Антоний думал в это время: как бы провести вместе с Клеопатрой зиму, и с таким расчетом планировал поход. «Он уже не владел своим рассудком, но, во власти какого-то колдовства или же приворотного зелья, постоянно устремлял взоры к Египту и в мыслях держал не победу над врагами, но скорейшее возвращение» (Плутарх).

Иногда наступали минуты прозрения, и Антоний понимал, что идет прямой дорогой к гибели. И тогда Клеопатра делала все, чтобы затуманить разум несчастного римлянина. Она прикидывалась влюбленной без памяти; чтобы истощить себя, почти ничего не ела. Глаза Клеопатры загорались, когда входил Антоний, но взор тут же темнел и потухал, когда римлянин покидал ее. «Она прилагает все усилия к тому, чтобы он почаще видел ее плачущей, но тут же утирает, прячет свои глаза, словно бы желая скрыть их от Антония» (Плутарх). Из-за капризов Клеопатры Антоний отложил парфянский поход, хотя ему доносили, что Парфия «охвачена волнениями и мятежом».

Антония покидали друзья и соратники. К Октавиану бежал бывший консул Луций Планк, а также Марк Титий, Марк Силан и историк Деллий.

Столкновения Антония и Октавиана было невозможно избежать, столь же закономерен был и результат морской битвы при Акции. В разгар битвы шестьдесят кораблей Клеопатры подняли паруса и направились в сторону Египта. Сражение можно и нужно было продолжать

(его исход еще неясен), но Антоний уже не владел ни разумом военачальника, ни разумом мужа, ни вообще разумом. «Стоило ему заметить, что корабль Клеопатры уплывает, как он забыл обо всем на свете, предал и бросил на произвол судьбы людей, которые за него сражались и умирали, и, перейдя на пентеру, в сопровождении лишь сирийца Алекса и Сцеллия, погнался за тою, что уже погибла сама и вместе с собой готовилась сгубить и его» (Плутарх).

Оставалось еще огромное сухопутное войско: девятнадцать легионов и двенадцать тысяч конницы, но оставленное военачальником ради ласк египтянки, оно перешло на сторону Октавиана.

Антоний превратился в безвольного раба любви, не способного защитить ни себя, ни женщину своей мечты. И любви не должно быть слишком много – об этом не подумала египетская царица, блестяще покорившая римлянина и властвовавшая им безраздельно.

Покинутый всеми, Антоний вонзил меч себе в живот. Смерть наступила не сразу – он успел попрощаться с Клеопатрой.

Царица же не спешила отправляться вслед за любовником. Она еще надеялась на лучшее. Дело в том, что Октавиан в послании обещал ей снисхождение, если Клеопатра умертвит Антония либо изгонит его. Фактически Клеопатра и явилась причиной смерти Антония. Ведь он поразил себя после того, как получил ложное известие, что царица мертва.

Октавиан непременно желал провести царицу Египта в триумфальном шествии. Он был мил и обходителен, но Клеопатра чувствовала, что этот повелитель Рима – хитрый и жестокий – неподвластен ее чарам.

Среди друзей Октавиана был знатный юноша Корнелий Долабелла. Он не устоял перед колдовской силой тридцатидевятилетней царицы. Желая оказать услугу Клеопатре, Долабелла открыл истинные планы в отношении ее.

Самое интересное, что Клеопатра выглядела хуже некуда, когда в ее любовные сети попался римский юноша, которому было поручено хранить царицу для триумфа. «Ее давно не прибранные волосы висели клочьями, лицо одичало, голос дрожал, глаза потухли, всю грудь покрывали еще струпья и кровоподтеки, – одним словом, телесное ее состояние, казалось, было ничуть не лучше душевного. И однако ее прелесть, ее чарующее обаяние не угасли окончательно, но как бы проблескивали изнутри даже сквозь жалкое это обличие и обнаруживались в игре лица» (Плутарх).

Последний соблазненный ею мужчина сообщил, что через три дня царицу вместе с детьми отправят в Рим отнюдь не в качестве почетной гостьи. Царице Египта ничего не оставалось, как подставить руку для змеиного укуса.

Сына Клеопатры от Цезаря Октавиан приказал умертвить. Ее детям от Антония повезло больше. Их приняла к себе добродетельная Октавия и вырастила наравне с собственными детьми. Кстати, несмотря на то, что Антоний испытывал неземную страсть к Клеопатре, Октавия сумела родить от него двух дочерей.

Дочь Клеопатры (тоже Клеопатра) даже стала царицей, но не египетской. Ее выдали замуж за нумидийского царя Юбу – человека весьма образованного, получившего воспитание в Риме; при этом он был плодовитым писателем и известным в древности коллекционером.

После смерти Клеопатры Египет прекратил свое существование, как независимое государство, и был преобразован в римскую провинцию.

Иногда приходится читать: Клеопатра погубила Египет своими интригами и непомерной жадной власти. Увы! К падению Египта несчастная царица не имеет никакого отноше-

ния. Римляне захватили сопредельные территории и в любом случае не могли обойти стороной столь лакомый кусок.

Кстати, за тридцать лет до смерти Клеопатры Марк Красс, будучи цензором, пытался «превратить Египет в данника римлян». Лишь противодействие товарища по должности – Катутла – сохранило Египту независимость. Однако римляне активно вмешивались в дела слабеющего соседа. Легат Помпея Габиний за определенную плату менял царей на Александрийском троне.

Клеопатра даже в самые лучшие времена была вынуждена раздавать римлянам в Египте земельные владения и привилегии.

Не так давно в Берлине найден папирус с указом Клеопатры – он использовался для закутывания египетской мумии. Постановление касалось Публия Канидия – одного из легатов Марка Антония. Древний текст гласит: «Мы даруем Публию Канидию и его наследникам возможность вывоза 10000 артабов [300 тонн] пшеницы и ввоза 5000 коанских амфор [неопределенное количество] без налогов или каких-либо других сборов. Мы также дарим освобождение от налогов для всех земель, которыми он владеет в Египте, утверждая, что он не должен платить никогда в будущем ни государству, ни мне или моим детям...»

Внизу документа находится собственноручная подпись Клеопатры, которая состоит из одного греческого слова и переводится: «Да будет так!»

Творец не дал Клеопатре внешней красоты, но она открыла в себе другие подарки природы и с успехом возместила недостатки. Так что, дорогие женщины, если вам не нравится форма какой-либо части тела, не стоит спешить под нож пластического хирурга. Ищите в себе и развивайте достоинства, способные покорить Гая Цезаря и Марка Антония.

Они есть – Творец не бывает несправедлив. А Цезарю едва ли понравилось бы ласкать сильной рукой силикон, пусть даже превосходного качества.

Боудикка (? – 61 г.)

Британия всегда доставляла римлянам немало хлопот. Римляне, с легкостью присоединившие новые и новые провинции, даже завоевывали ее как-то нехотя.

Покорить Британию дважды пытался Гай Юлий Цезарь (55 и 54 гг. до н. э.).

Этот остров служил пристанищем беглых материковых кельтов и всячески поддерживал их в борьбе против Рима. И еще: в Риме бытовало мнение, что гигантский остров полон золота, серебра и жемчуга.

Цезарь не нашел там ни первого, ни второго, ни третьего, но получил ожесточенный отпор многочисленного и воинственного народа. Римляне не смогли продвинуться дальше береговой полосы, так натолкнулись на непривычную тактику кельтского войска. Гениальный Цезарь, покоривший всю континентальную Галлию, впервые должен был уйти ни с чем.

Упорство Цезаря известно всякому, и на следующий год к британскому берегу отплыло восемьсот кораблей. На борту их находилось пять легионов пехоты и две тысячи всадников.

Бритты, встречавшие римлян на побережье, как и в прошлый раз, сейчас не решились вступить в бой со столь грозной силой. Войну с римлянами начал храбрый и мудрый князь Кассивелаун. Он понял, что в открытом сражении бриттам не победить римлян, и поэтому применил свой способ противодействия завоевателям.

Римляне, с трудом продвигаясь по незнакомой стране, везде их заставляли покинутые селения, в которых даже при огромном желании нельзя было найти что-то ценное. Цезарю удалось принудить к покорности тринобантов и захватить в лесу скот, но это были его единственные успехи в Британии.

Наконец Гай Цезарь заметил, что предприятие становится крайне опасным, и приказал возвращаться к кораблям. Чтобы хоть как-то сохранить лицо, Цезарь вступил в переговоры с Кассивелауном и даже добился с него обещания платить дань Риму. Впрочем, об этом обещании бритты забыли, как только легионеры Цезаря погрузились на корабли и покинули остров.

Только через столетие римляне решились покорить огромный остров. Любителю грандиозных мероприятий императору Клавдию понадобился повод для собственного триумфа, и ничего лучшего он не придумал, как завоевать Британию. Императору несказанно повезло: «он за несколько дней подчинил себе часть острова без единого боя или кровопролитья, через несколько месяцев после отъезда возвратился в Рим и с великой пышностью отпраздновал триумф» (Светоний). В 44 г. завоеванная часть острова была объявлена римской провинцией.

Британцы благородно позволили Клавдию насладиться триумфом, а вот следующим военачальникам на острове приходилось несладко. Посланный Клавдием будущий император Веспасиан, как сообщает Светоний, «участвовал в тридцати боях с неприятелем и покорил два сильных племени, более двадцати городов и смежный с Британией остров Вектис».

И все равно в руках римлян оказалась только юго-восточная и часть центральной области острова.

Во времена правления Нерона в 59 г. в Британии высадился новый наместник – Гай Светоний Паулин. Это был опытный, весьма способный и столь же честолюбивый военачальник. В 41–42 гг. Светоний подавил восстание в Мавретании, а теперь решил снискать славу на новой должности. Благо, простора для деятельности хватало – большая часть ост-

рова оставалась неподвластной римлянам, а зависть к другому римскому военачальнику – Корбулону, покорившему накануне Армению, толкала Светония на отчаянные поступки.

«Итак, он решает напасть на густонаселенный и служивший пристанищем для перебежчиков остров Мону и с этой целью строит плоскодонные корабли, не боящиеся мелководья и подводных камней. На них он и перевез пехотинцев; всадники же переправились следуя по отмелям, а в более глубоких местах – плывя рядом с конями.

На берегу стояло в полном вооружении вражеское войско, среди которого бегали женщины; похожие на фурий, в траурных одеяниях, с распущенными волосами, они держали в руках горящие факелы; бывшие тут же друиды с воздетыми к небу руками возносили к богам молитвы и исторгали проклятия» (Тацит).

Вот уж поистине: если искать где-то древних амазонок, то лучше всего в Британии. Скоро Светоний Паулин столкнется с их предводительницей, а пока ему понадобится приложить немало усилий, чтобы вывести своих легионеров из состояния оцепенения. «Новизна этого зрелища потрясла наших воинов, и они, словно окаменев, подставляли неподвижные тела под сыплющиеся на них удары. Наконец, вняв увещаниям полководца и побуждая друг друга не страшиться этого иступленного, наполовину женского войска, они устремляются на противника, отбрасывают его и оттесняют сопротивляющихся в пламя их собственных факелов. После этого у побежденных размещают гарнизон и вырубают их священные рощи, предназначенные для отправления свирепых суеверных обрядов: ведь у них считалось благочестивым орошать кровью пленных жертвенники богов и испрашивать их указаний, обращаясь к человеческим внутренностям» (Тацит).

Казалось бы, самое время праздновать успех. Но не успел Светоний навести порядок на захваченном острове, как пришли вести, что во вверенной ему провинции творится что-то невообразимое.

Предыстория событий, связанных с войной британской амазонки против римлян следующая: царь британского племени иценов – Прасутаг, «славившийся огромным богатством» назначил в завещании своими наследниками римского императора и двух дочерей, «рассчитывая, что эта угодливость оградит его царство и достояние от насилий. Но вышло наоборот, и царство стали грабить центурионы, а достояние – рабы прокуратора, как если бы и то и другое было захвачено силой оружия.

Прежде всего, была высечена плетью жена Прасутага Боудикка и обесчещены дочери; далее, у всех видных иценов отнимается унаследованное от предков имущество (словно вся эта область была подарена римлянам), а с родственниками царя начинают обращаться как с рабами. Возмущенные этими оскорблениями и страшась еще худших, поскольку их земля стала частью провинции, ицены хватаются за оружие и привлекают к восстанию тринобантов, а также всех тех, кто, еще не сломленный поработением, поклялся на тайных собраниях отвоевать утраченную свободу, питая особую ненависть к ветеранам. И в самом деле, недавно выведенные в колонию Камулодун, они выбрасывали тринобантов из их жилищ, сгоняли с полей, называя пленниками и рабами, причем воины потворствовали своеволию ветеранов и вследствие сходства в образе жизни, и в надежде на то, что им будет дозволено то же» (Тацит).

Особой ненависти британцев удостоился храм обожествленного императора Клавдия, при котором и была основана провинция. Помимо того, что бог был совершенно чужд местному населению, жрецы разоряли окрестности «под предлогом издержек на отправление культа».

Так римляне своей жадностью и высокомерием обратили друга во врага, а на справедливую месть ветераны соблазнили коренное население собственной беспечностью. «Между тем восставшим казалось делом отнюдь не трудным уничтожить колонию, не имевшую никаких укреплений, ибо наши военачальники об этом не позаботились, думая более о приятном, чем о полезном», – замечает Тацит.

А ведь даже боги предупреждали жителей колонии о грядущих бедствиях; знамения возникали одно другого ужаснее. Статуя богини Виктории «в Камулодуне безо всякой явной причины рухнула со своего места и повернулась в противоположную сторону, как бы отступая перед врагами. И впавшие в иступление женщины стали пророчить близкую гибель: в курии камулодунцев раздавались какие-то непонятные звуки, театр оглашался воплями, и на воде в устье Тамезы явилось изображение поверженной в прах колонии; Океан стал красным, как кровь, и на обнаженном отливом дне виднелись очертания человеческих трупов» (Тацит).

Зловещие видения заставили колонию ветеранов искать помощи. Так как Светоний был далеко, они обратились к прокуратору Кату Дециану.

Прокуратор должным образом не отреагировал на страхи камулодунцев. Он «прислал не более двухсот человек, и к тому же без надлежащего вооружения; стоял в Камулодуне и малочисленный отряд воинов. Уповая на храм как на неприступную крепость и встречая противодействие в осуществлении разумных мероприятий со стороны тех, кто был тайным сообщником восставших, они не провели вала и рва и не отослали женщин и стариков, с тем, чтобы оставить при себе только боеспособных» (Тацит).

Тем временем восстание ширилось и набирало силу. Британцы «под предводительством женщины царского рода Боудикки (ведь применительно к верховной власти над войском они не делают различия между полами) все как один поднялись против нас, – повествует Тацит – Истребив рассеянных по заставам воинов и захватив приступом крепости, они ворвались в колонию, видя в ней оплот поработившего их владычества римлян, и, упиваясь яростью и своим торжеством, расправились с побежденными, не упустив ни одной из жестокостей, какие только в ходу у варваров».

Дион Кассий более подробно описывает месть Боудикки за исхлестанное плетью собственное тело, за подвергшихся насилию дочерей, за издевательства над ее народом:

«Боудикка повела свое войско против римлян; ибо те остались без предводителя, поскольку Паулин, их военачальник, ушел в поход на остров Мону, рядом с Британией. Это позволило ей опустошить и разграбить два римских города и, как я сказал, учинить неопишумую резню. Те, что были захвачены в плен бриттами, были подвергнуты всем известным видам поруганий. Наихудшее и самое зверское злодеяние, совершенное мятежниками, было следующим. Они подвешивали самых благородных и именитых женщин обнаженными, затем отрезали им груди и пришивали к их ртам, чтобы казалось, будто жертвы поедают их; после этого они насаживали женщин на острые колья, пронзавшие их насквозь во всю длину тела. Все это они совершали, сопровождая жертвоприношениями, пиршеством и развратом во всех своих священных местах, но особенно в роще Андате».

Камулодун войско Боудикки сожгло дотла. Храм Клавдия, который ветераны считали неприступным, пал после двухдневной осады. После этого «победители-британцы, выйдя навстречу шедшему на выручку Камулодуну легату девятого легиона Петилию Цериалу, рассеяли его легион, перебив всех пехотинцев; сам Цериал с конницей ускользнул в лагерь и укрылся за его укреплениями» (Тацит).

Прокуратор Кат Дециан, увидевший, к чему привело его корыстолюбие и несвоевременное оказание помощи Камулодуну, в страхе бежал на материк.

Наконец Гай Светоний Паулин покинул Мону и, с огромным трудом пробившись сквозь охваченную мятежом страну, достиг Лондиния.

Напрасно жители будущего Лондона радовались своему спасению, встречая войско наместника. «Здесь, размышляя над тем, не избрать ли его опорой для ведения дальнейших военных действий, он, учтя малочисленность своего войска и пример Петилия, которому дорого обошлась его опрометчивость, решает пожертвовать этим городом ради спасения всего остального. Ни мольбы, ни слезы взывавших к нему о помощи горожан не поколебали его решимости, и он подал сигнал к выступлению, взяв с собой в поход пожелавших ему сопутствовать; те, кого удержали от этого пол или преклонный возраст или привлекательность этого места, были истреблены врагами. Такая же участь постигла и муниципий Верулабий... Известно, что в упомянутых мною местах погибло до семидесяти тысяч римских граждан и союзников. Ведь восставшие не знали ни взятия в плен, ни продажи в рабство, ни каких-либо существующих на войне соглашений, но торопились резать, вешать, жечь, распинать, как бы в предвидении, что их не минует возмездие, и заранее отмщая себя» (Тацит).

Светоний собрал всех, кого можно поставить в строй, и решился дать сражение Боудикке. «В его распоряжении оказались четырнадцатый легион с вексилляриями двадцатого и подразделения вспомогательных войск из размещенных поблизости – всего около десяти тысяч вооруженных» (Тацит).

Очень небольшие силы, но у римлян не было иного выхода, кроме как победить. На этот раз им предстояло сражаться не за родину или за добычу, а за собственные жизни. Это придало легионерам Светония мужества, ибо такова основная черта римского характера: в критические времена не опускать руки, а наоборот, совершать чудеса храбрости и жизнестойкости. Так было во время войны с Ганнибалом, так было под Алезией во время галльской войны.

Во главе войска стоял великолепный стратег, опытный военачальник Гай Светоний Паулин. Удачно выбранная им позиция и построение римлян частично компенсировали численное превосходство противника. «Для сражения он избирает местность с узкой тесниной перед нею и с прикрывавшим ее сзади лесом, предварительно уверившись в том, что враг только пред ним на равнине и что она совершенно открыта, и можно не опасаться засад. Итак, легионеров он расставил сомкнутым строем, по обе стороны от них – легковооруженных, а на крайних флангах – конницу в плотных рядах» (Тацит).

«А у британцев в каждом отряде конных и пеших шло ликование; их было такое множество, как никогда ранее, и они были преисполнены такой самоуверенности, что взяли с собой жен, дабы те присутствовали при их победе, и посадили их на повозки, находившиеся у краев поля.

Боудикка, поместив на колеснице впереди себя дочерей, когда приближалась к тому или иному племени, восклицала, что британцы привыкли воевать под предводительством женщин, но теперь, рожденная от столь прославленных предков, она мстит не за потерянные царство и богатства, но как простая женщина за отнятую свободу, за свое избитое плетью тело, за поруганное целомудрие дочерей. Разнузданность римлян дошла до того, что они не оставляют неоскверненным ни одного женского тела и не щадят ни старости, ни девственности. Но боги покровительствуют справедливому мщению: истреблен легион, осмелившийся на битву; остальные римляне либо прячутся в лагерях, либо помышляют о бегстве. Они не выдержат даже топота и кликов столь многих тысяч, не то что их натиска и ударов. И если британцы подумают, сколь могучи их вооруженные силы и за что они идут в бой, они убедятся, что в этом сражении нужно победить или пасть. Так решила для себя женщина; пусть же мужчины не цепляются за жизнь, чтобы прозябать в рабстве» (Тацит).

Светоний также нашел нужные слова, чтобы поддержать своих воинов накануне битвы. Он напомнил legionерам, что «даже при большом числе легионов судьбу сражений решают немногие, и им достанется тем больший почет, если столь малый отряд покроем себя славою, выпадающей на долю целого войска».

Полководец, подавлявший восстание римских подданных в Африке, в последние минуты перед битвой дал подробные указания: как в ней вести себя. «Только пусть они не расстраивают рядов и, метнув дротики, продолжают непрерывно поражать и уничтожать неприятеля выпуклостями щитов и мечами и не думают о добыче. После того как они одержат победу, все достанется им. Эти слова полководца вызвали такое воодушевление, и старые, испытанные в походах воины с такой ловкостью изготовились метнуть дротики, что, уверившись в успешном исходе, Светоний подал сигнал к началу сражения.

Сначала легион, не двигаясь с места, стоял за тесниною, заменявшей ему укрепления, но, выпустив все свои дротики в подступивших на расстояние верного удара врагов, бросился на них в боевом порядке наподобие клина» (Тацит).

Бритты были ошеломлены, когда на их бушующее море напал этот маленький римский ручеек. Их сгубило презрение к малочисленному врагу и прежние легкие победы. Оказались бессильны перед железной римской дисциплиной: и желание обрести свободу, и воодушевлявшие жены позади битвы; и число сражающихся уже не имело никакого значения.

Увы! Бесстрашная Боудикка смогла зажечь искру, затем раздуть пламя на всю римскую провинцию, она смогла поднять на борьбу десятки тысяч людей, но создать из них войско, способное смести последнюю преграду, не успела. А ведь на пути к свободе стоял единственный легион, усиленный вспомогательными войсками.

Вот он римский парадокс! Гай Юлий Цезарь с одним тринадцатым легионом перешел Рубикон и сверг республику. Теперь Гай Светоний с четырнадцатым легионом спасал от гибели самую окраинную римскую провинцию. Кто после этого скажет, что один в поле не воин?

«Столь же стремительным был натиск воинов вспомогательных войск; ринулись на неприятеля и всадники с копьями наперевес, смявшие преграждавших им путь и оказывавших сопротивление, – рассказывает Тацит о том, как далее развивалась битва. – После этого остальные враги обратились в бегство, которому, однако, мешали расставленные повсюду и загромождавшие проходы телеги. Наши воины истребляли противника, не щадя и женщин; к грудам человеческих тел добавлялись и трупы пронзенных дротиками и копьями лошадей. Одержанная в тот день победа не уступает в блеске и славе знаменитым победам древности. Ведь было истреблено, как утверждают некоторые, немногим менее восьмидесяти тысяч британцев, тогда как мы потеряли около четырехсот убитыми и не намного более ранеными. БОУДИККА ЛИШИЛА СЕБЯ ЖИЗНИ ЯДОМ».

И еще один человек покончил жизнь самоубийством, когда стал известен результат битвы за Британию. «Префект лагеря второго легиона Пеней Постум, узнав об успешных действиях воинов четырнадцатого и двадцатого легионов, сразил себя мечом, ибо лишил свой легион той же славы, не выполнив, вопреки воинскому уставу, приказа полководца» (Тацит).

Какую благодарность от Рима получил Светоний Паулин за спасение провинции?

Взамен бежавшего в начале мятежа прокуратора Ката прибыл Юлий Классичиан. Он неприязненно относился к Светонию и «из личной вражды препятствовал общему благу, сея слухи о том, что вскоре должен прибыть новый легат, который без злобы к противнику и

свойственного победителю высокомерия милостиво отнесется к сдавшимся. Одновременно он писал в Рим, чтобы там не ждали скорого прекращения боевых действий, если не будет назначен преемник Светонию, чьи неудачи он объяснял его непригодностью, а успехи – благоприятствованием судьбы» (Тацит).

Происки нового наместника не дали желаемого результата – жестокое восстание остудило пыл желающих проявить себя в Британии. Нерон оставил наместничество за Паулином, впрочем, ненадолго. В том же 61 году флот Светония потерял несколько кораблей, что было сочтено свидетельством продолжавшейся войны, и ему было приказано сдать провинцию Петронию Турпилиану. «Тот, не раздражая врагов и не тревожимый ими, пребывал в ленивом бездействии, которому присвоил благопристойное наименование мира» (Тацит).

Сменил Петронию Требеллий Максим. «Тот, еще менее деятельный и в военном деле совершенно несведущий, удерживал провинцию благодаря своеобразному добродушию, с каким управлял ею. Варвары стали уже свыкаться с его столь приятными для них недостатками...» (Тацит).

Страх перед мятежным духом Боудикки остался у римлян до конца их пребывания в Британии. Так царица своей гибелью заслужила для соотечественников человеческое отношение со стороны завоевателей. Римляне в Британии отныне больше помышляли о защите своих владений, чем об угнетении туземцев и новых завоеваниях.

Император Адриан в 123 г., по свидетельству Спартиана, «первый провел стену на протяжении восьмидесяти миль, чтобы она отделяла римлян от варваров».

Это было мощнейшее оборонительное сооружение, разделившее Британию на две части; остатки его сохранились до наших дней. Прежде всего, римляне проложили дорогу от моря до моря – с запада на восток. С севера ее прикрывала двойная стена из массивных каменных глыб; промежуток между кладкой заполнили бутом и известью, а перед ней выкопали глубокий ров. С южной стороны дороги были насыпаны два земляных вала, между которыми также тянулся ров.

«Между каменной стеной и земляными насыпями на самой дороге расположены лагеря и караулы – лагеря когорт, имеющие вид самостоятельных обороноспособных фортов с воротами на все четыре стороны, на расстоянии малой мили друг от друга; через каждые два таких форта находится подобное же сооружение меньшего размера с воротами на север и юг, через каждые два таких сооружения – четыре меньшие караульни на расстоянии человеческого голоса одна от другой. Это колоссальное сооружение, требовавшее гарнизона, вероятно, в 10–12 тыс. человек, представляло в дальнейшем базу военных операций в Северной Англии». (Моммзен). " между которыми также тянулся ров. массивных каменных глыб. ританию с запада на восток.

В 140 г. император Антонин Пий провел еще одну линию оборонительных сооружений севернее знаменитого вала Адриана.

В 410 г. римляне добровольно покинули Британию; империя клонилась к закату и уже не могла защищать далекую провинцию.

Англичане бережно хранят память о Боудикке и поныне. В Лондоне – подле знаменитого Биг-Бена, перед зданием парламента – бронзовая Боудикка вместе с дочерьми мчится в колеснице.

Весталки

История возникновения культа Весты

Во времена, когда римские женщины не имели никаких прав, кроме определенных семейным кодексом, существовала группа представительниц прекрасного пола, которым даже консулы уступали дорогу, которые активно участвовали в жизни родного города. То были жрицы богини Весты.

В пантеоне многочисленных богов Веста отвечала за священный очаг общины, курии и каждого жилища. Римляне очень почитали богиню, ее очаг горел в каждом доме; шесть жриц, являвшихся живым олицетворением Весты, наделялись огромными правами и пользовались великим почетом, их имена часто появляются в произведениях античных авторов.

Поль Гиро вполне логично объясняет появление культа Весты. «Во времена доисторические огонь можно было добыть только трением двух кусков сухого дерева или от искры, которая получается при ударе о булыжник. Ввиду этого в каждой деревне поддерживался общественный огонь: в особо предназначенной для этого хижине он горел непрерывно и день и ночь и был предоставлен во всеобщее пользование. Обязанность поддерживать его возлагалась на молодых девушек, так как только они не уходили в поле. С течением времени этот обычай превратился в священное учреждение, как это было в Альбалонге, метрополии Рима; когда же был основан Рим, то и этот город учредил у себя свой очаг Весты и своих весталок».

Институт весталок в Риме был официально учрежден вторым царем Нумой Помпилием (715–673/672 гг. до н. э.). «Выбрал он и дев для служения Весте; служение это происходит из Альбы и не чуждо роду основателя Рима. Чтобы они ведали храмовыми делами безотлучно, Нума назначил им жалование из казны, а, отличив их девством и прочими знаками святости, дал им всеобщее уважение и неприкосновенность» (Ливий).

Более подробно об этом событии рассказывает Плутарх в биографии Нумы Помпилия. «Нума посвятил в весталки сперва двух дев, Геганию и Верению, а затем Канулею и Тарпею. Сервий прибавил к ним впоследствии еще двух, и это число остается без изменения до настоящего времени. Царь определил девам сохранять свое девство до тридцати лет. В первые десять лет их учат тому, что они должны делать; в другие десять лет они применяют к делу свои познания; в последние десять лет – сами учат других. После этого они могут делать, что желают, и даже выходить замуж или избирать себе новый образ жизни, не имеющий ничего общего с жизнью жрицы. Но эту свободой воспользовались, говорят, немногие, да и те, которые сделали это, не принесли себе никакой пользы, большинство же провело остаток своих дней в раскаянии и унынии, причем навели на других такой религиозный ужас, что они предпочли до старости, до самой смерти девство супружеству».

Увы! Римских весталок какая-то сила обрекала на пожизненное монашество, хотя, когда заканчивался срок обязательного служения Весте, им не было сорока лет. Они были достаточно богаты, их имена знал весь Рим, но мужчин не прельщала столь выгодная партия. Существовало поверье, что брак с бывшей весталкой приносит несчастье.

Далее Плутарх рассказывает о привилегиях и наказаниях для весталок. Более подробного описания нет ни об одном римском культе ни у самого Плутарха, ни у прочих античных авторов – уже только по этому факту можно оценить значимость культа Весты в жизни римлян.

«Царь дал им большие преимущества – они могли, например, делать завещания еще при жизни отца и располагать всею остальной своей собственностью, не прибегая к помощи попечителей, как и матери троих детей. Когда они выходят, их сопровождает ликтор. Если они встречаются случайно с преступником, которого ведут на казнь, ему оставляют жизнь. Весталка должна только поклясться, что встреча была случайной, невольной, не преднамеренной. Кто проходил под их носилками, когда они сидели на них, подвергался смертной казни.

Наказывают весталок за различные проступки розгами, причем наказывает их верховный понтифик. В некоторых случаях виновную даже раздевают донага в темном месте и накидывают на нее одно покрывало из тонкого полотна. Нарушившую обет девства зарывают живьем в яму у Коллинских ворот. Возле этого места, в черте города, тянется длинный земляной вал... Здесь, под землю, устраивали маленькое помещение, с входом сверху, куда ставили постель, лампу с огнем, небольшое количество съестных припасов, например, хлеба, кувшин воды, молока и масла, – считалось как бы преступлением уморить голодом лицо, посвященное в высшие таинства религии. Виновную сажали в наглухо закрытые и перевязанные ремнями носилки так, что не слышно было даже ее голоса, и несли через форум. Все молча давали ей дорогу и провожали ее, не говоря ни слова, в глубоком горе. Для города нет ужаснее зрелища, нет печального этого дня. Когда носилки приносят на назначенное место, рабы развязывают ремни. Верховный жрец читает таинственную молитву, воздевает перед казнью руки к небу, приказывает подвести преступницу, с густым покрывалом на лице, ставит на лестницу, ведущую в подземелье, и удаляется затем вместе с другими жрецами. Когда весталка сойдет, лестница отнимается, отверстие засыпают сверху массой земли, и место казни становится так же ровно, как и остальное. Вот как наказывают весталок, преступивших свои обязанности жриц!

По преданию, Нума построил также храм Весты для хранения неугасаемого огня. Он дал ему круглую форму; но она представляла не фигурку Земли, – он не отождествлял с нею Весту, – а вообще, вселенную, в центре которой, по верованию пифагорейцев, горит огонь, называемый Гестией-Монадой. По их мнению, земля не неподвижна и не находится в центре вселенной, но вертится вокруг огня и не может считаться лучшею, первою частью вселенной».

Вот какими знаниями обладали древние и использовали их при постройке храма главного «очага государства»! Спустя тысячелетия вещи, известные римлянам и грекам, снова будут открывать лучшие умы человечества, и будут гении страдать за свои открытия, отстаивать их на кострах и в тюрьмах.

Множество сведений о самом известном в Риме культе и его жрицах можно найти у других античных авторов; не ослабевает интерес к этой теме и у современных исследователей. Вот материал со ссылками на источники из книги Лидии Винничук «Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима»:

«Как только девочка становилась жрицей Весты, ей остригали волосы, складывая их под старую финиковую пальму, которая поэтому так и называлась: «дерево волос» (Плиний Старший. Естественная история, XVI, 235). Когда волосы отрастали, весталка обязана была делать себе особую прическу, разделяя волосы острым гребнем на шесть прядей и заплетая каждую в отдельности, точно так же как поступали невесты перед свадьбой. О том, как девочек готовили к служению богине, рассказывает, пользуясь самыми разными источниками,

Авл Геллий (Аттические ночи, I, 12). Стать весталкой могла девочка в возрасте от 6 до 10 лет, у которой оба родителя были живы. Девочки, имевшие хотя бы малейшие затруднения в речи или пониженный слух, не подлежали избранию; любой другой физический порок также оказывался непреодолимым препятствием. Не допускались и те, что были вольноотпущенницами или имели отца-вольноотпущенника, а также те, у кого хотя бы один из родителей был рабом или занимался чем-либо не подобающим свободному человеку. Наконец, разрешалось освободить от обязанностей жрицы Весты ту девочку, у которой сестра уже была избрана жрицей или отец был фламином, или авгуром, или членом какой-либо иной жреческой коллегии. Девочка, помолвленная с кем-нибудь из жрецов, также не годилась для служения богине. Впоследствии отбор стал еще более строгим: отклонялись дочери граждан, постоянно проживавших за пределами Италии или имевших троих детей...».

«Обряд избрания и увода девочки от отца совершался, вероятнее всего, так, как это описывает Авл Геллий: верховный понтифик брал девочку за руку и отводил от отца, что юридически было эквивалентно взятию ее в плен на войне» (Винничук).

Весталки походили на будущих христианских монашек и одеждой: они заворачивались до пят в длинную, белого цвета ткань, именовавшуюся палой; пользовались головным покрывалом; талию весталки перетягивала веревка, на груди имелся медальон, а заплетенные волосы поддерживались повязкой.

Весталки не стеснялись использовать свои огромные привилегии в личных, узкосемейных целях; причем, делали это достаточно нагло и открыто, и никто не смел им возразить.

Консул 143 г. д.э. Аппий Клавдий Пульхр решил справить триумф после победы над альпийскими салассами. Однако победа его никак не тянула на высшую награду, а честолюбивому консулу страстно хотелось проследовать по улицам Рима в триумфальной колеснице. И вот, весталка Клавдия, «когда ее брат справлял триумф против воли народа, вошла к нему на колесницу и сопровождала его до самого Капитолия, чтобы никто из трибунов не мог вмешаться или наложить запрет» (Светоний).

Главной обязанностью весталок являлось поддержание священного огня на алтаре богини. Гасили пламя Весты лишь один раз в году – в первый день нового года; затем вновь зажигали древнейшим способом – с помощью трения дерево о дерево.

Иногда происходило незапланированное угасание священного огня из-за оплошности зазевавшейся весталки. То было одно из двух самых страшных преступлений жриц почитаемой римлянами богини – ибо угасание очага Весты считалось дурным предзнаменованием. Виновную собственноручно наказывал розгами верховный понтифик.

Постоянно горевший огонь довольно часто приводил к пожарам. Такое бедствие случилось около 241 г. до н. э.: «Пожар храма Весты, – сообщает Тит Ливий, – великий понтифик Цецилий Метелл сам спасает из огня его святыни».

И спасать было что; помимо священного огня в храме Весты находились многие реликвии, сохранность которых была для римлян залогом благополучия и процветания города. Цицерон утверждает, что в храме была «статуя, упавшая с неба». Скорее всего, речь идет о метеорите.

Естественно, и враги понимали: что значит для римлян храм Весты. В 210 г. кампанцы (во 2-ю Пуническую войну они сражались на стороне Ганнибала) устроили пожар на римском форуме. «Одновременно загорелись семь лавок... и те лавки менял, что теперь

называют «Новыми». Затем занялись частные постройки...; занялись и темница, и рыбный рынок, и Царский атрий. Храм Весты едва отстояли – особенно старались тринадцать рабов, они были выкуплены на государственный счет и отпущены на свободу» (Ливий).

Консул особенно возмущался тем, что кампанцы «посягнули на храм Весты, где горит вечный огонь, а во внутреннем покое хранится залог римской власти» (Ливий).

Блудливые весталки

Гораздо более страшным событием, чем потухший очаг Весты, была потеря невинности весталки; античные авторы рассказывают о подобных случаях, как о национальном бедствии.

Увы! Такое случалось. Первые римские монашки в несознательном возрасте становились весталками. Гораздо позже они понимали, что за почет, привилегии, обеспеченную жизнь они заплатили достаточно высокую цену; девочки-весталки подрастут и почувствуют, что обет непорочности вступает в противоречие с их разумом, страстями. А наказание за потерю девственности было чрезвычайно жестоким.

Иногда забывали и о наказании: здоровая плоть (больных в весталки не брали) не могла противостоять соблазнам. Такова человеческая натура: ей всегда всего мало, а самый сладкий плод – запретный.

Римляне все понимали и пытались оградить жриц любимой богини от соблазнов. «Для сохранения их чистоты принимались самые тщательные меры предосторожности. Ни один мужчина не мог приблизиться ночью к их дому; ни один мужчина, даже врач, не мог ни под каким предлогом войти в их атриум. Если весталка заболела, ее отправляли к родителям или к какой-нибудь почтенной матроне, и здесь также ни на шаг не отставали от врача, который ее лечил. Чтобы удалить от них всякое искушение, им не позволяли присутствовать на атлетических состязаниях. Их начальник – великий понтифик не спускал с них глаз и заставлял шпионить за ними их служанок». (Гиро).

Но... одна за другой в античных источниках появляются вести о жрицах, нарушивших обет девственности.

«Весталка Попилия за преступный блуд погребена заживо», – пишет Тит Ливий о событиях 509–468 гг. до н. э.

483 г. до н. э. «К общему беспокойству добавились грозные небесные знамения, почти ежедневные в городе и округе; прорицатели, гадая по внутренностям животных, то по полету птиц, возвещали государству и частным лицам, что единственная причина такого беспокойства богов – нарушение порядка в священнодействиях. Страхи эти разрешились тем, что весталку Оппию осудили за блуд и казнили» (Ливий).

«Весталка Секстилия, осужденная за преступный блуд, закапана заживо», – новое сообщение Тита Ливия, датированное 278–272 г. до н. э..

В 216 г. до н. э. римляне потерпели поражение под Каннами и фактически лишились войска. «Люди напуганы великими бедами, а тут еще и страшные знамения: в этом году две весталки, Отилия и Флорония, были уличены в блуде: одну, по обычаю, уморили под землей у Коллинских ворот, другая сама покончила с собой. Луция Кантилия, писца при понтификах, который блудил с Флоронией, по приказу великого понтифика засекали до смерти розгами в Комиции. Кошунственное блудодеяние сочли, как водится, недобрый предзнаменованием, децемвирам было приказано справиться в Книгах. А Квинта Фабия Пиктора послали

в Дельфы спросить оракула, какими молитвами и жертвами умиловить богов и когда придет конец таким бедствиям; пока что, повинаясь указаниям Книг, принесли необычные жертвы; между прочими галла и его соплеменницу, грека и гречанку закопали живыми на Бычьем Рынке, в месте, огороженном камнями; здесь и прежде уже свершались человеческие жертвоприношения, совершенно чуждые римским священнодействиям» (Ливий).

В 114 г. до н. э. римлян ожидал новый страшный удар: в преступном блюде уличили сразу трех весталок – Эмилию, Лицинию и Марцию.

Обвинение весталки в прелюбодеянии не всегда заканчивалось смертью последней; иногда жрицам удавалось оправдаться.

В 418 г. до н. э. «от обвинения в нарушении целомудрия защищалась неповинная в этом преступлении весталка Постумия, сильное подозрение против которой внушили изысканность нарядов и слишком независимый для девушки нрав. Оправданная после отсрочки в рассмотрении дела, она получила от великого понтифика предписание воздержаться от развлечений, выглядеть не миловидной, но благочестивой» (Ливий).

И совсем фантастическим способом избавилась от наказания весталка Клавдия.

Дело было в 204 г. до н. э. Еще шла тяжелая война с Ганнибалом, и римляне всеми способами стремились приблизить победу. К их счастью в Сивиллиных книгах нашлось предсказание: «Когда бы какой бы чужеземец-враг ни вступил на италийскую землю, его изгонят и победят, если привезут из Пессинунта в Рим Идейскую Матерь (Кибелу)» (Ливий).

Богиня была непривычной для Рима и довольно жестокой. Кибела требовала от своих служителей полного подчинения ей, забвения себя в бездумном восторге и экстазе. Кибеле нравилось, когда жрецы «наносит друг другу кровавые раны или когда неопиты оскотпляют себя во имя Кибелы, уходя из мира обыденной жизни и предавая себя в руки мрачной и страшной богини» (Гладкий).

Видимо, такую жестокую богиню и нужно было у себя завести, чтобы победить Ганнибала. Кроме того, римляне исправно следовали указаниям Сивиллиных книг, а они всегда требовали больших жертв.

Каким-то образом был решен вопрос с Атталом, царем Пергама, который до сих пор владел Идейской Матерью; и вот корабль с богиней в виде черного метеоритного камня вошел в устье Тибра.

Неожиданно римляне столкнулись с проблемой у самых ворот родного города: капризная богиня, которая покорно следовала из Малой Азии до Италии, не желала войти в Рим.

«Сил не щадя, за причальный канат потянули мужчины,
Лишь чужеземный корабль против течения пошел
И на болотистом дне крепко застряла ладья.
Люди приказа не ждут, усердно работает каждый,
И помогают рукам, громко и бодро крича.
Точно бы остров, засел корабль посредине залива:
Чудом изумлены, люди от страха дрожат».

(Овидий).

Среди встречающих святыню была и весталка Клавдия, на которую пали подозрения в распутстве. Собственно, она своим поведением дала пищу для сплетен, которые могли закончиться известным погребом у Коллинских ворот.

«Клавдия Квинт свой род выводила от древнего Клавса,
Был ее облик и вид знатности рода под стать.
И непорочна была, хоть порочной слыла: оскорбляли
Сплетни ее и во всех мнимых винули грехах.
Ее и наряд, и прическа, какую она все меняла,
Были вредны, и язык вечных придир – стариков.
Чистая совесть ее потешалась над вздорами сплетен, —
Но ведь к дурному всегда больше доверия в нас!»

(Овидий).

Чтобы отвести от себя подозрения, Клавдия решила на отчаянный поступок; но прежде она помолилась богине. Когда читаешь этот момент у Овидия, кажется, что весталка молилась Деве Марии, хотя дело происходило более чем за два столетия до рождения Иисуса Христа. Молитва, как следует из текста, непривычна даже для римлян.

«Вот появилась она меж достойнейших в шествии женщин,
Вот зачерпнула рукой чистой воды из реки,
Голову трижды кропит, трижды к небу возносит ладони
(Думали все, кто смотрел, что помешалась она),
Пав на колени, глядит неотрывно на образ богини
И, волоса распустив, так обращается к ней;
«О небожителей мать плодоносная, внемли, благая,
Внемли моим ты мольбам, коль доверяешь ты мне!
Я не чиста, говорят. Коль клянeshь ты меня, я сознаюсь:
Смертью своей пред тобой вины свои искуплю.
Но коль невинна я, будь мне порукою в том предо всеми:
Чистая, следуй за мной, чистой покорна руке».
Так говоря, за канат она только слегка потянула
(Чудо! Но память о нем даже театр сохранил):
Двинулась Матерь Богов, отвечая движеньем моленью, —
Громкий и радостный крик к звездам небесным летит».

(Овидий).

Да! Что не сделаешь, чтобы спасти жизнь. После такого подвига никто не посмел даже усомниться в целомудренности Клавдии.

«Клавдия всех впереди выступает с радостным ликом,
Зная, что честь ее днесь подтверждена божеством».

(Овидий).

Потрясенные римляне установили статую Клавдии Квинты в храме Матери Богов. Дважды (в 111 г. до н. э. и во 2 г. н. э.) храм подвергался опустошительным пожарам, и только изображение весталки оставалось невредимым.

В 1-й половине I в. до н. э. весталку Лицинию обвинили в сожительстве с Марком Крассом; некий Плотин даже подверг ее судебному преследованию. Но хитрый Красс – бывший, по сути дела, первым крупным предпринимателем античности и самым богатым человеком в Риме – блестяще выкрутился из весьма неприятного положения и спас свою подругу. Срочно была придумана правдоподобная версия его частых встреч с девой-весталкой.

«У Лицинии было прекрасное имение в окрестностях Рима, и Красс, желая дешево его купить, усердно ухаживал за Лицинией, оказывая ей услуги, и тем навлек на себя подозрения. Но он как-то сумел, ссылаясь на корыстолюбивые свои побуждения, снять с себя обвинение в прелюбодеянии, и судьи оправдали его. От Лицинии же он отстал не раньше, чем завладел ее имением» (Плутарх).

Август и весталки

В I в. до н. э. римляне вступили в бесконечную полосу смут, междоусобных распрей, гражданских войн. Увлечшись братоубийством, граждане начали забывать старые традиции, терять былое уважение к богам.

В 89 г до н. э. в городе возник конфликт между должниками и займодавцами. Претор Авл Семпроний Азеллион, пытавшийся разобраться в ситуации с помощью старого закона, подвергся нападению, когда «совершал жертвоприношение Диоскурам на форуме, и его окружала толпа, присутствующая на жертвоприношении. Кто-то сначала швырнул в Азеллиона камень» (Аппиан).

Претор бросил священную чашу и побежал к храму Весты, стремясь воспользоваться правом заступничества весталок – оно распространялось даже на приговоренных к смерти. «Но толпа захватила храм раньше, не допустила в него Азеллиона и заколола его в то время, когда он забежал в какую-то гостиницу. Многие из преследовавших Азеллиона, думая, что он убежал к весталкам, ворвались туда, куда мужчинам вход был воспрещен. Так-то и Азеллион в то время, когда он исполнял должность претора, совершал возлияния, одет был в священную, отороченную золотом одежду, был убит около второго часа ночи среди форума, около храма» (Аппиан).

Преемник Цезаря – Октавиан, получивший позже имя Августа – понимал, что религия является главной опорой власти. Особенное внимание хитрый дальновидный политик уделял культам, которые традиционно пользовались любовью и уважением римлян. Не случайно, появившись в беспокойном Риме в 43 г. до н. э., Октавиан поспешил не в сенат, не к своим сторонникам, и не в отчий дом, а в храм Весты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.